

Татьяна Юрьевна Степанова
Падший ангел за левым плечом

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951664
Падший ангел за левым плечом: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84161-5

Аннотация

Мсть – блюдо холодное. И хотя в том гараже, на месте преступления все дышало яростью – ярость тоже была холодная. Убийца не проявлял ни паники, ни торопливости – он действовал. Шеф криминальной полиции области полковник Гущин уверен: смерть Полины Вавиловой связана с тем, чем занимался ее муж полковник Вавилов пять лет назад, когда служил начальником уголовного розыска в подмосковном Рождественске. В то время Вавилов вел три громких дела. Только какое из них дало о себе знать сейчас? Катя Петровская, капитан полиции, сотрудница Пресс-службы ГУВД Московской области недоумевала: зачем снова разбираться в этих старых несвязанных друг с другом историях?.. Тогда еще никто и предположить не мог, какой неожиданный оборот примет расследование убийства юной жены полковника Вавилова...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	42
Глава 13	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Татьяна Степанова

Падший ангел за левым плечом

© Степанова Т. Ю., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

То, что лучше не видеть

«Во всем этом есть что-то нечеловеческое».

«Не пускайте его сюда! Слышите, не пускайте его сюда!»

Никогда прежде Катя – Екатерина Петровская, обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области – не слышала, чтобы шеф криминальной полиции полковник Гуцин кричал вот так – фистулой, придушенно и одновременно громко. На истеричной вибрирующей ноте, рискующей вот-вот сорваться и крайне болезненной для барабанных перепонки всех, кто был в эту минуту с ним рядом.

Во всем этом есть что-то нечеловеческое...

Это произнес эксперт ЭКУ Сиваков, видевший за свою многолетнюю работу столько всего...

Но только не... *Не то, что открылось их взору в этом доме и в этом гараже.*

Дом – новенький коттедж из силикатного кирпича, построенный на окраине микрорайона Деево на участке, выделенном под коттеджное строительство. Дом такой светлый, с окнами до пола на террасе, с винтовой лестницей из лиственницы на второй этаж, с просторным холлом, откуда можно пройти на большую кухню, а также в гараж, пристроенный прямо к дому.

Дом, полный света и воздуха, несмотря на то что за окнами – ненастный, ветреный и холодный апрельский день.

Дом, пахнущий ремонтом, краской, клеем для обоев, струганым деревом.

Дом, где все эти мирные ароматы подавлены запахом крови.

Крови так много...

Есть вещи, которые лучше не видеть. Это Катя как мантру повторяла сейчас сама себе. Лучше не видеть, не знать. Но вместе с полковником Гуциным и оперативной группой Главка она находилась тут, в этом самом месте.

И все это было перед ее глазами.

И она не могла их закрыть, потому что – закрывай, не закрывай, ничего бы не изменилось, не исчезло.

И смех этот – ужасный, похожий на лай, доносившийся из гостиной, не стих. Этот смех, в котором истерика, ярость и слезы.

И еще как бы удивление, что такое – вот такое возможно.

Это... Как у бабы этой в музее, у Венеры Таврической... хи-хи... Нет, Милосской... хи-хи-хи...

Смеялся Игорь Петрович Вавилов – человек, которого Катя отлично знала, полковник полиции, начальник оперативно-аналитического управления. По факту – третий человек в руководстве Главка и коллега Гуцина.

Как у бабы у этой из музея... у Венеры... Ха-ха-ха-хаха!

– Игорь Петрович, пожалуйста, перестаньте. Надо взять себя в руки. Игорь Петрович, пожалуйста! – Голос помощника Вавилова.

– Дай ему что-то или вколи, чтобы прекратил, успокоился, – попросил Гуцин.

– У меня ничего такого нет. – Эксперт Сиваков покачал головой. – Паренек этот, Артем, ему «Скорую» вызвал – так они ехать отказались, узнав, что это истерика на почве шока. Не психиатричку же вызывать. Ничего, уж как-нибудь опомнится. Возьмет себя в руки. Он мужик сильный. Опер бывший.

– Сюда его ни в коем случае не пускайте, – Гушин, только что кричавший, снизил голос до шепота, – сюда ни-ни!

– Не поможет. – Сиваков оглядел то, что лучше не видеть. – Он же ее обнаружил. Они с помощником. Парень сразу в дежурную часть сообщил. А Игорь Петрович...

Ха-Ха! Хи-хи-хи! Обрубил...

Безумный хохот не стихал ни на минуту.

Помощник полковника уже умолял:

– Игорь Петрович, пожалуйста... Нате вот, выпейте...

Звон чашки, сброшенной на пол.

Вдребезги!

Ха-ха-ха!

Катя попала сюда, в этот жуткий дом в Деево, не по своей воле. Даже жажда сенсации для интернет-страницы «Криминального вестника Подмосковья», что она вела как обозреватель и сотрудник пресс-службы, не заставила бы ее заниматься расследованием этого дела.

Она поняла это сразу, едва лишь узрела *то, что лучше не видеть*. И едва при этом самым позорным образом на глазах у всей опергруппы, экспертов и следователя не грохнулась в обморок.

Она никогда бы не поехала в Деево, сюда, в этот чертов дом. Если бы не приказ полковника Гущина. Нет, просьба, нет, определенно приказ. Или все вместе, потому что сотрудники Пресс-центра обязаны по инструкции и по распоряжению руководства Главка выезжать на все преступления, совершенные в отношении своих коллег – полицейских.

В эту субботу Катя планировала для себя праздник. У Анфисы Берг – закадычной подруги – день рождения. И она собирала девичник в кафе на Гоголевском бульваре. Катя купила в подарок Анфисе крутую новую кофеварку и ехала в такси с родной Фрунзенской набережной – нарядная, веселая, с подарком для подруги.

Как вдруг этот звонок от полковника Гущина, а потом и от начальника Пресс-центра ГУВД, от своего шефа.

Гушин приказал, нет, попросил – приезжай сейчас же, у нас небывалое ЧП!

Начальник Пресс-центра был сух и лаконичен – выезжайте в район, в Деево. Там зверски убита жена начальника оперативно-аналитического управления полковника Вавилова. По итогам осмотра места подготовите самый скупой комментарий для массмедиа, который только возможен.

Самый скупой комментарий для прессы и телевидения – вот об этом?!

Подарок – кофеварка – остался в кабинете в Главке на Никитском. Анфисе Катя позволила и сказала, что в кафе она, увы, приехать не сможет.

Но тогда, звоня подруге Анфисе, она еще не знала, что ее ждет в этом доме в Деево. И представить не могла, какие жуткие, пугающие, запутанные и странные события впереди.

Хи-хи-хи! Как этой бабе мраморной в музее... Венере... обрубил... Ха-ха-ха-ха!

– Не обрубил, – сказал эксперт Сиваков, наклоняясь над трупом, – отрезал. Убийца использовал электропилу тут в гараже. Ее руки отпилены по самые плечи.

Во всем этом есть что-то нечеловеческое...

Но это лишь первый абзац. Мы только начали наш осмотр. Многое еще впереди.

Тут, вот тут.

– Меня интересует время совершения убийства. Когда наступила смерть, – тихо, опять же шепотом сказал полковник Гушин. – Ты понимаешь, в каком мы все сейчас положении. Он сотрудник полиции, он – один из начальников Главка. Я хочу, чтобы хотя бы в вопросе давности смерти нас не ждали безумные сюрпризы. С меня этого его смеха хватает. Волосы дыбом. Итак, что скажешь?

Они с Сиваковым переглянулись.

Катя ждала, что ответит эксперт.

То, что лучше не видеть, уже диктовало свои, собственные условия расследования.

Бригада ЭКУ проводила в доме и в гараже полный, тотальный осмотр с изъятием всех улик, которые лишь предстояло еще найти.

Глава 2

Маленькое счастье

А в это самое время, когда в страшном доме в Дееве только начинался осмотр места убийства, в соседнем с поселком городе Рождественске Виктория Одинцова – вдова средних лет, потерявшая любимого мужа, – размышляла о счастье.

Муж Виктории скончался от инфаркта скоропостижно. И боль утраты, тяжкая в первые годы, утихла. Словно посветлела как-то эта боль, истончилась, оставив горьковатое послевкусие невыплаканных слез.

Но жизнь есть жизнь, и Виктория Одинцова смирилась. С ней шагать дальше по жизни без мужа остались сын и свекровь. Сын окончил школу и поступил на первый курс МАИ. Свекровь постоянно путешествовала по поликлиникам и аптекам в ажиотаже получения бесплатных лекарств. Стуча клюкой, костерила почему зря врачей, районные власти, ругала государство, не стеснясь в выражениях, и, что интересно, все рецепты и направления от врачей всегда получала. И даже без очереди.

Они жили после смерти мужа, отца и кормильца, в квартире свекрови. И со временем Виктория научилась подлаживаться к ее непростому характеру. Общая потеря сплотила их, а также необходимость заботиться друг о друге.

А что, собственно, конфликтовать у плиты по пустякам? Разве в этом смысл жизни, кто лучше готовит молочную лапшу и тушит курицу с черносливом? Если все время ругаться и горевать, то так можно и стресс заработать. И счастье, маленькое такое, свое, домашнее, теплое, как шерстяной носок, счастье пустить по ветру.

Утратить.

Сохранить, постараться сохранить во что бы то ни стало счастье свое – лучик света – Виктория Одинцова всегда старалась.

Поначалу-то, после смерти мужа, было делать это ой как непросто. Небо с овчинку казалось. В те времена, оставшись одна, чтобы как-то прокормить семью и выплатить кредиты, которые брал муж, Виктории приходилось работать в двух местах. Практически без выходных и праздников. На сон и то времени не хватало, потому что в разных местах имелся разный график: где сутки – трое, где сутки – двое, а порой и через день, а порой и в ночную смену.

О счастье ли тут думать, когда с ног валишься и засыпаешь на сиденье автобуса, рискуя проспять свою остановку?

Но даже в те времена Виктория думала, мечтала о счастье. Вот выплачу кредит... Станет полегче. Потом, может, как-то все устроится, обойдется.

Когда случилось то происшествие в отеле «Сказка интернешнл» – роскошном, с крытыми бассейнами и аквапарком, где она работала ночным сменным администратором, призрак маленького индивидуального счастья опять словно померк.

Ну как же, ее ведь тогда затаскали на допросы сначала в уголовный розыск, потом к следователю, а затем, когда дело в суд перекочевало, и туда. Как свидетеля.

Прокурор ей все в суде внушал – вы свидетель обвинения. От ваших показаний многое зависит. От ваших показаний зависит практически все со стороны обвинения.

Каково это слышать, а? Это и крепкий, здоровый человек слышит с трепетом сердечным, с таким мандражом. А она в то время в горе великом была, только мужа потеряла – вся на нервах, на успокоительном.

Но и эта полоса черная сгинула. Суд закончился обвинительным приговором. Ну тому... типу, которого обвиняли в таких ужасных вещах...

Виктория постаралась со временем выбросить все это из головы.

А потом – вот чудеса в решетке – и прокурора того посадили, который ей все внушал, как важны ее показания.

Ну жизнь, вот жизнь, а!

Про прокурора она тогда услышала в местных новостях по телевизору. Ну посадили и посадили. Кто о прокуроре из нормальных людей заплачет?

Нет, Виктория не хотела ерничать. Она вообще была доброй женщиной. Она заботилась о сыне-студенте. Боялась, что он, такой влюбчивый и бесхребетный, еще женится ни свет ни заря. А что им тогда со свекровью, с бабкой, делать? Квартира хоть и трешка, но стандартная, со смежными комнатами. А если приведет жену да дети пойдут? Где всем ютиться?

Когда муж был жив, вроде и не ютились, а просто жили. Это сейчас, что ли, у страха глаза велики?

А с другой стороны – семья у сына, дети – это же внуки. Так, значит – вот оно, счастье. Один из его основных элементов.

Тут Виктория всегда вздыхала.

Вздыхнула она и сейчас и улыбнулась.

Она только-только закончила гладить выстиранное постельное белье и убрала гладильную доску. Пора что-то к ужину готовить. Скоро сын явится. Хоть сегодня и суббота, он клятвенно обещал, что приедет домой, а не зависнет в каком-то студенческом клубе на Спартак-овской.

Свекровь, громыхая клюкой, прокандехала по коридору из своей комнаты в туалет. И угнездилась там надолго. Запоры мучили старуху.

Ей к ужину надо бы морковки сырой потереть – Виктория бросила взгляд на кухонный комбайн. Или дать слабительного? Нет, уж потружусь для нее. Подумаешь, кнопку нажать в комбайне – раз, и готова морковка тертая.

Вот в этом как раз счастье-то и заключается. В радении за близких, в заботе о них. Пусть и не очень ценят они это из-за сварливости характера и рассеянного старческого склероза.

Счастье – это сиюминутное, очень хрупкое ощущение: я счастлива... я почти счастлива... нет, не почти, а я просто счастлива... я живу...

Дома тепло – несмотря на весну, на начало апреля, в доме хорошо топят батареи. А в прошлый год топили плохо. А в этом году – хорошо, и это счастье.

У нас теперь свое дело – да, да, несмотря на экономический кризис, мы сложились компанией и держим крохотную булочную-кондитерскую в Рождественске. Семь человек сложились – прежние знакомые мужа и их жены взяли ее в долю, что называется. А свое дело есть свое дело, бизнес, пусть и не малый даже, а крохотный!

Но все же это не прежние ее мытарства на нескольких работах сразу.

Тут – счастье: чистая витрина, стойка, кофеварка, чтобы «кофе с собой». И выпечка сдобная с корицей – ее пекут сами, и хлеб разный, и плюшки, и круассаны.

А еще пасту делают «живую» и равиоли сами лепят с тыквой, со шпинатом и рикотой. Народ покупает. Немного, денег-то не ахти у народа, потому что кризис. Но молодежь и разные там модные, продвинутые, которых, правда, в Рождественске кот наплакал, покупают равиоли и «живую пасту». И это все – доход бизнесу.

Доход ей в том числе, Виктории. И это тоже счастье.

Счастье, когда деньги есть и не надо побираться по знакомым, прося в долг на срочное погашение кредита.

Счастье вот так стоять на теплой кухне у окна, заставленного фиалками и геранью, и смотреть на сумерки – серые, раздуваемые всеми весенними ветрами.

Какого, собственно, рожна еще чего-то хотеть? Вот сын учится, поступил сам, на бюджетное место, и платить за учебу не надо.

Это счастье по нынешним временам.

Свекровь на своих ногах – бродит, таскается к врачу, до туалета сама доходит. И это счастье. Вот не дай бог сляжет...

Может, умрет. Не станет колодой лежать. Создавать проблемы...

Тут Виктория устыдилась своих мыслей. Нет, нет, смерти желать не годится. Это плохо.

Она ведь добрая, сердечная. Она всегда все по совести. И тогда, во время дачи показаний, она ведь не солгала, не прибавила, не убавила. Рассказала чистую правду о том, что слышала в ту ночь в отеле «Сказка интернешнл».

Так что этот, которого упекли... ну, насильник-то... он не должен быть к ней в претензии.

Она не солгала ни следователю, ни суду. И тому сыщику, начальнику местного уголовного розыска, который насильника задержал, она тоже не солгала.

Правду сказать – это ведь тоже счастье.

Хотя такого бы счастья-то поменьше – не правды сказанной, а следствия и суда...

Виктория с охапкой выглаженного белья прошла в комнату сына. Кавардак какой тут вечно. Белье надо менять...

Она бросила взгляд на стол сына – пыли, пыли, но он запрещает ей дотрагиваться до стола. Тут компьютер, тут какие-то диски. А то она с компьютерами не умеет обращаться! Виктория хмыкнула. Она компьютеров-то побольше видела, чем он в свои восемнадцать.

– Викуся, эй, Викуся! – громогласно возвала с толчка из-за закрытой двери туалета свекровь.

– Да, мама, скоро ужинать будем.

– Замоchi мне чернослив в кипятке в кружке. Подашь опять морковь тертую, так я ее в помойное ведро!

Виктория покачала головой – свекруха в своем репертуаре, блажит бабка. Но... это ведь тоже счастье, вот такое маленькое семейное... этаким семейным смешной раздолбайчик.

Надо ко всему относиться спокойно. Самое главное – они живут, никого не трогают.

И батареи в этом сезоне в районе топят нормально.

И в доме тепло.

И в холодильнике есть что на стол поставить и что поесть.

И у них теперь свое дело – крошечный бизнес.

А желать чего-то еще – по нынешним-то временам – иллюзия.

Маленькое счастье – вот оно: тепленькое такое. Виктория погладила простыни, и правда еще хранящие тепло утюга.

Весна – скоро расцветут фиалки на подоконнике в горшках.

Завтра – воскресенье и у нее выходной, потому что у них в булочной – график.

А потом она всю неделю работает.

Булочки с корицей, ватрушки с творогом, кофе с собой – это для молодежи.

Сын попросит, как всегда, денег – на какие-то прибамбасы к компьютеру.

И она ему даст. Потому что это ей сейчас по силам.

И в этом тоже – счастье.

Видите, как много счастья в этой жизни? Так чего же унывать?

Глава 3

Электропила

– Когда наступила смерть? – повторил свой вопрос полковник Гушин.
– Более пяти часов назад, – ответил эксперт Сиваков.
– А конкретнее?
– Ну, судя по трупному окоченению... Я бы предположил, что ее убили где-то между одиннадцатью и часом дня. – Сиваков начал осмотр. – Более детально скажу после вскрытия. Катя через силу подошла ближе. Мертвая молодая женщина.

У трупа отсутствовали руки.

– Полина Вавилова. По паспорту ей всего-то двадцать лет. Она и выглядит на этот возраст, хотя сейчас трудно сказать. – Сиваков говорил тихо. – Молодая жена... Давно они женаты?

– Недавно, – ответил Гушин, – это у него второй брак.

– На теле две раны. Глубокое проникающее ножевое ранение в области боковой поверхности живота. Наверняка внутренние органы задеты. А также резаная рана на горле. Убийца нанес ей первый удар ножом в живот. А когда она упала, он перерезал ей горло. Но убивал не здесь, не в гараже. Судя по следам крови, что есть в холле, нападение произошло именно там, у входной двери. Виден четкий след волочения по полу. Убийца поволок труп из холла в гараж. И тут сотворил все остальное.

Остальное...

Кате хотелось уйти. Она просто физически уже не могла выносить...

– Значит, убийство произошло утром? – спросил Гушин.

– Для тебя одиннадцать часов – утро? – Сиваков не хмыкал, не улыбался, продолжал осмотр. – Итак, дальше... На лице жертвы какие-либо повреждения отсутствуют. Кроме двух ножевых ран – ни синяков, ни ссадин. Ничто не указывает на то, что между Полиной Вавиловой и ее убийцей происходила борьба. Одета она по-домашнему – спортивные брюки из фланели, фланелевый топ и кроссовки. Домашний, дачный стиль.

– Она сама впустила убийцу, – сказал Гушин. – Дверь мы тщательно осмотрели. Никаких следов взлома. Там уйма замков. Вавилов – опер, знает, как от взломщиков дом обезопасить. А вот жену молодую не уберег. Так, значит, убили ее между одиннадцатью и часом дня?

Сиваков глянул на Гушина. Тот достал мобильный и начал звонить. Через минуту Катя поняла, что он разговаривает с приемной начальника Главка, с адъютантом начальника.

И тогда, улучив момент, Катя на ватных ногах буквально выползла вон. Хоть краткая передышка, хоть глоток иного воздуха – пусть тут, в этом чертовом доме, но...

Она вернется, конечно, через минуту вернется в гараж, потому что должна, но сейчас она возьмет паузу.

То, что лучше не видеть, смотрело ей вслед со стены гаража. Хотя у него и не было глаз.

На кухне полковник Игорь Петрович Вавилов все еще заходился истеричным смехом, смешанным с плачем.

Вавилов – крупный мужчина под сорок с внешностью боксера. С тяжелым подбородком и увесистыми кулаками, широкоплечий – весь такой большой и мощный. Сейчас мускулистое спортивное тело его трепетало как осиновый лист на ветру.

Ха-ха-ха-ха-ха!

– Игорь Петрович, так нельзя! Надо успокоиться! Пожалуйста!

Помощник Вавилова – молодой, в штатском – уговаривал, почти умолял своего шефа. Катя встречала его в Главке – новый, недавно заступивший на должность секретаря, перешедший из отдела по борьбе с компьютерными преступлениями. Кстати – не сотрудник полиции, а вольнонаемный. Фамилия его, кажется, Ладейников.

– Игорь Петрович! Возьмите себя в руки!

– Хи-хи-хи-хи... без рук... только без рук... ха-ха-ха-ха!

– Я прошу вас, ну... ох, что же делать-то мне с вами!

Воскликнув это в отчаянии, помощник Вавилова внезапно размахнулся и залепил захо- дящемуся безумным смехом полковнику звонкую пощечину.

Катя видела это своими глазами.

Несмотря на истерику и шок, реакция бывшего опера Вавилова была мгновенной – он поймал парня за руку, стиснул, крутанул, выворачивая в болевом приеме кисть и...

Ладейников скрипнул зубами от боли. И тут лицо Вавилова изменилось – словно пелена безумия спала, словно занавес какой-то открылся.

Он разжал свою мертвую хватку. Его смех-вой оборвался разом.

Наступила тишина.

Кругом было столько людей в этом доме – в холле сосредоточенно работали экс- перты-криминалисты, следователь составлял протокол. Но в этой звенящей тишине, пропи- танной запахом крови, все словно спрессовывалось воедино. И над всем этим превалиро- вало общее чувство страха и потрясения.

Ну, бывали убийства, но чтобы такое...

Во всем этом есть что-то нечеловеческое...

– Я в норме. – Голос Вавилова охрип. – Артем...

– Да, Игорь Петрович. – Ладейников наклонился к нему.

– Я не хотел, извини.

– Ничего. Я тоже ведь вас ударил.

– Я в норме. У меня только что-то вот здесь... – Вавилов дотронулся до груди слева. – Побудь со мной.

– Я здесь, я с вами, – сказал Ладейников.

Катя смотрела на них из холла. Пройти дальше она не могла. Двое экспертов-крими- налистов как раз в это время осматривали и замеряли следы волочения на светлом ламинате под дуб – кровавая дорожка.

Полину Вавилову, двадцатилетнюю жену полковника, убили здесь, в холле. Никто не слышал ее криков.

Только этот дом – светлый, новый, комфортабельный и стильный – знал о том, что случилось дальше.

Катя через силу вернулась в гараж.

Полковник Гуцин уже закончил свой разговор с адъютантом начальника Главка.

– Вавилов с десяти тридцати и до двух находился на расширенном совещании у губер- натора области вместе с начальником Главка и коллегами, – сказал Гуцин. – Адъютант генерала мне только что это подтвердил. Вавилов там выступал по вопросам технического обеспечения территориальных органов полиции. Они выделение денег и транспорта полдня обсуждали. Такие совещания традиционно проводятся по субботам два раза в месяц.

– Федор Матвеевич, а зачем вы звонили? – спросила Катя. – Вы что же, думали, что это он сам? Сам убил жену?!

– Я не хочу никаких сюрпризов, – ответил ей Гуцин. – Итак, на момент совершения убийства у Вавилова – твердое алиби.

– Работа адова – все должны проверять. И это даже. – Сиваков покачал головой. – И такие вот вещи.

– У Вавилова – твердое алиби, – повторил Гушин и вытер вспотевшую лысину ладонью.

– Итак, я продолжаю осмотр трупа. – Сиваков снова включил диктофон, покоившийся в кармане его экспертного водонепроницаемого комбинезона. – Следов изнасилования визуально не отмечено. Нижняя одежда – в порядке. На внутренней стороне бедер нет никаких повреждений. Это не сексуальная мотивация.

– Следов ограбления тоже нет, – буркнул Гушин. – В доме порядок, если учесть, что они лишь недавно сюда переехали после строительства и ремонта.

– Теперь о том, что отсутствует. Обе руки потерпевшей удалены... скажем так – отрезаны, отпилены с помощью электропилы. Вон она там, в углу гаража возле ее машины валяется. Я пилу позже осмотрю, уже в лаборатории. Ее сейчас эксперты упакуют как вещдок. Руки Полины Вавиловой удалены по самый плечевой сустав. На коже – повреждения, характерные по времени, распил кости с наклоном. Убийца работал пилой здесь, в гараже. Тело лежало на полу. Вот тут, на цементе пола, глубокие отметины, когда лезвие пилы входило с цементом в контакт. Тут все надо сфотографировать и замерить. Убийца тело приволок в гараж из холла и больше не перемещал. Он воспользовался теми инструментами, которые нашел здесь. Подручные средства. Пила и...

– Подожди, с остальным позже, – попросил Гушин. – Что еще по ранам на предплечьях?

– Раны – посмертного характера.

– То есть он уродовал ее уже мертвую?

– Да, хоть в этом проявил милосердие, – сухо сказал Сиваков. – Нанести повреждения трупу – это не самоцель убийцы. Ему нужен был просто материал. Я же сказал – подручные средства.

– ЕЕ РУКИ?? – Катя не выдержала этого тихого бесстрастного профессионального разговора.

У нее нервы и так на пределе, а они – эти двое – Гушин и Сиваков – словно ведут между собой какую-то компьютерную игру. Или ей так кажется, потому что она сама готова свихнуться в этом чертовом доме, как почти в одночасье свихнулся полковник Вавилов, обнаруживший свою молодую жену вот такой.

– Убийца оставил нам четкое указание на свой мотив, – сказал Сиваков. – И ему понадобился для этого подручный материал, который он и получил с помощью электропилы. Вполне конкретное, осмысленное и, я бы сказал, логичное действие. Совершенное с определенной целью.

– С какой целью? – спросила Катя.

– Вселить ужас, – ответил Сиваков. – И ему это удалось.

Полковник Гушин повернулся к стене.

К тому, что лучшие не видеть.

Лишь на мгновение его широкая спина заслонила это от Кати.

Глава 4

Грибов

Когда Алексей Грибов – менеджер фольклорного ансамбля «Гармонь и балалайка» – вошел в спальню Леокадии Пыжовой, та удивленно подняла тоненькие, как ниточка, выщипанные брови.

Леокадия Пыжова – шестидесятипятилетняя хозяйка и солистка фольклорного ансамбля – отдыхала в своей огромной, как футбольное поле, постели после субботнего визита к косметологу и массажисту.

– Ты где это пропадал целый день? – спросила она недовольно. – Я тебе звонила, ты не отвечал.

– Я в Ногинск ездил, смотрел концертную площадку, – ответил Алексей Грибов.

– Так Ногинск что, тайга? Связь, что ли, мобильная не работает там?

– Я потом в шиномонтаж еще заскочил.

– Ох, крутишь ты что-то, милый. – Леокадия Пыжова погрозила наманикюренным пальчиком. – Разлюбил, что ли?

У них была связь и длилась она вот уже год. Двадцатишестилетний Алексей Грибов почти каждую ночь проводил тут, в этой спальне. Леокадия Пыжова платила ему зарплату из своего кармана и старалась получить максимум удовольствия.

– Ты мое сокровище, – ответил Алексей, – я по тебе скучал весь день.

– Так прыгай сюда. – Пыжова царским жестом откинула покрывало.

Она была абсолютно голой, тело лоснилось от крема. Алексей начал послушно раздеваться, стараясь не глядеть на обвислые груди и дряблый живот своей любовницы-хозяйки.

Фольклорный ансамбль «Гармонь и балалайка» переживал кризис. Столичный зритель воротил от шоу нос. Выручали гастроли по периферии, в основном по малым городам. Да разные профессиональные праздники типа Дня железнодорожника и Дня чекиста. Леокадию Пыжову по старой памяти приглашали на ведомственные концерты. И сидевшие в зале скрепя сердце терпели весь этот залихватский фольклор с гиком и присвистом, с треньканьем балалаек и с эффектным появлением на сцене самой Леокадии: она выплывала павой под россыпь гармоний – старое чучело с фальшивыми золотыми косами и в расшитом аляпистой тесьмой и пайетками сарафане. «Лапти, ох, лапти, ох, лаптиииии моиииииии!» – выдавала она визгливо и начинала тяжеловесно плясать, махая платочком и топоча алым сапожком, улыбаясь хмурому залу и игриво подмигивая.

Леокадия Пыжова помнила о своей бурной юности и брала себе только молодых любовников из числа танцоров и менеджеров ансамбля.

«Мои порrrrrrrrrrrrrродистые жерrrrrrrrrrrребчики» – называла она их.

В «жеребчиках» Алексей Грибов ходил уже год.

– Манкировать мной стал. – Леокадия потянула его к себе в постель за брючный ремень.

– Я сейчас разденусь.

– Сначала мой сок мне подай. – Она указала на столик у кресла, где стоял хрустальный графин с коньяком.

Алексей Грибов налил коньяк в хрустальную рюмку.

– А себе?

Он налил в рюмку и себе.

– За любовь, сладенький, – провозгласила Леокадия и хлопнула коньяк одним махом.

Пьянела она быстро. Но признаки опьянения проявлялись лишь в бледности морщинистого ее лица, которому уже мало помогали косметические процедуры и сценический грим.

– Нос воротишь от меня, сладенький. – Она снова погрозила Грибову пальчиком. – Все адвокатом себя мнишь, все о прошлом думаешь. А кто ты такой сейчас? Никто. Ноль. Выперли тебя отовсюду. А я вот взяла тебя в шоу, бабки тебе плачу из своего кармана. Папашка-то кто твой был? Прокурор? Так посадили его. Наследственность – тяжелая, Лешенька... Папашка-то в тюрьме. Так что нечем гордиться-то. Нечего нос от людей, которые к тебе всем сердцем, воротить.

– Да что ты в самом деле? Я же по твоим делам ездил, насчет концерта хотел договориться.

– Весь день пропадаю. На звонки не отвечал. – Леокадия сверлила его взглядом. – И чего концерт?

– Ничего. У них там все закрыто оказалось. Офис закрыт.

– Врешь ты мне все. – Леокадия хмыкнула. – Ну да сердце-то у меня доброе, проверять не стану. Ложись, что ли.

Алексей Грибов послушно лег в постель рядом с ней. Она тут же жарко его обняла и, дыша коньяком в лицо, начала ласкать, возбуждать.

Они возились в постели. Потом Леокадия разочарованно отпихнула его от себя.

– Чего ты как ледышка-то?

– Я просто устал. – Алексей Грибов закрыл глаза.

– С чегой-то ты устал? Уж я и так стараюсь, и этак. А ты как мертвый.

– Подожди немного.

– А чего ждать-годить? Само встанет, что ли? – Леокадия села в подушках. – Целый день где-то шатался. Сейчас кабачок вялый.

Алексей Грибов повернулся на бок.

– Лешенька, я ведь и рассердиться могу, – елейным зловещим тоном пообещала Леокадия.

Тогда он обернулся к ней. Улыбнулся натянуто и покорно.

– Ты потрясающая женщина, – сказал он, – я весь твой. Я просто устал немножко. Дорога скверная – сплошные пробки.

Леокадия снова сунула руку под одеяло.

– Ну вот уже лучше, процесс пошел. – Она протянула вторую руку и взяла Алексея Грибова за подбородок. – Адвокатик ты мой неудавшийся. По нынешним-то временам кому ты нужен? Никому, кроме меня. Ты это цени, Лешенька.

– Я ценю.

– И все же, где тебя носило сегодня?

Алексей Грибов приподнялся и сграбастал ее в объятия, заглушая все эти ненужные любопытные, ревнивые вопросы поцелуем в старческие, пахнущие коньяком и помадой губы.

Глава 5

«М»

Только на мгновение полковник Гуцин закрыл собой от Кати стену гаража. Потом отступил на шаг.

– Прибито гвоздями, – сказал он хрипло.

– Убийца воспользовался пневматическим молотком. Вон он тоже на полу. – Эксперт Сиваков не касался вещдоков до работы своей команды криминалистов. – Гараж не кирпичный, а из блоков. Гвозди вошли как в масло.

На стене большая буква «М» – с нее начиналось короткое слово, написанное кровью широкими мазками.

Но букву «М» образовывали человеческие руки, отрезанные электропилой, прибитые гвоздями.

Руки были неестественно вывернуты. Пальцы мертвых ладоней переплетались. И все это крепилось гвоздями к стене.

– Локтевые суставы, судя во всему, повреждены электропилой, чтобы сделать всю эту чудовищную конструкцию более гибкой, податливой. – Сиваков смотрел на стену. – Чтобы снять все это, извлечь гвозди, нам потребуется время. По мне, так я бы забрал все это как есть, чтобы уже в лаборатории детально исследовать. Но не выламывать же нам часть стены в гараже... Абсурд... Тот, кто это сделал, добился своего. Оторопь берет. Не знаешь, с чего осмотр начинать.

– Со слова, которое написано. – Гуцин подошел к стене вплотную.

Страшная буква «М», составленная из рук Полины Вавиловой – жены полковника Вавилова, – была заглавной буквой в слове «Мщу».

Буквы «щ» и «у» написаны кровью. Они складывались из широких, угловатых линий-мазков.

– Тут должно быть что-то в ее крови, какой-то предмет, которым он писал, – сказал Гуцин.

– Нет, судя по ширине мазка, – Сиваков тоже подошел вплотную к стене, – и по частичкам блоковой крошки в распилах предплечий, на костях и на кожных покровах, убийца написал обе буквы ее руками. Сначала он написал «щ» и «у». А затем уже составил свою инсталляцию из буквы заглавной.

– «Мщу»... не «мечь», как пишут обычно, не «Я мщу», а просто коротко, лаконично. – Гуцин обернулся к помертвевшей Кате. – Какие мысли?

– Я не знаю, Федор Матвеевич. Ужас.

– А еще что? Что первое на ум приходит?

– Ярость. Он был в ярости, этот убийца. За что он мстит?

– С этим придется разбираться, долго разбираться. – Гуцин констатировал факт. – Меня сейчас интересует – как он в дом попал? Следов взлома нет. Значит, Полина Вавилова сама его впустила, открыв все замки.

– Выходит, она знала убийцу? Была с ним знакома?

Полковник Гуцин пошел к двери гаража, поманил одного из оперативников и спросил тихо:

– Ну, что вы нашли?

Глава 6

Вещи и окрестности

– Много отпечатков пальцев. Экспертам работы – непочатый край. – Оперативник повел полковника Гущина в холл.

Катя устремилась за ними. Она хотела слышать все, что скажут члены оперативно-следственной группы на этом первичном этапе осмотра.

Лишь бы не видеть то, что лучше не видеть...

– Нам предстоит выяснить, чьи отпечатки где – Вавилова, ее... Не сейчас же откатывать, когда ЭТО там на стене висит. А потом дом только что построен, тут бригада рабочих трудилась – отопление налаживали, кухню монтировали, нагреватели для воды. Все захватано – двери, косяки, поверхности. Определение давности следов пальцев рук – вещь ненадежная, сами знаете, Федор Матвеевич.

Гущин осторожно двигался – боком, как краб, чтобы ненароком не наступить на кровавый след волочения на полу – его обрабатывали эксперты, ползавшие на корточках.

В кухне, проходя мимо, Катя увидела врача в белом халате.

– Откуда он тут взялся? – спросила она шепотом.

– Наши вызвали через отдел полиции, привезли на машине из горбольницы. Не психолог. Просто терапевт дежурный. Игорю Петровичу психологическая помощь требуется, но психолог когда еще из Главка приедет. А этот укол успокоительного ему сейчас сделает.

Гущин кивком позвал из кухни помощника Вавилова Артема Ладейникова. Тот подошел.

– Ну как он там?

– Неважно.

– Я с его допросом погожу. А вы... ты нам расскажешь, что тут было, когда вы с ним приехали.

– Конечно. – Артем Ладейников кивнул.

– Еще что кроме отпечатков? – спросил Гущин оперативников.

– Вот смотрите сами в холле у двери, у вешалки – полно коробок. Судя по всему, это доставлено из интернет-магазинов. Часть коробок вскрыта, но товары внутри. А часть коробок пустые, видно к выбросу приготовленные.

– У них есть во дворе мусорный бак?

– Нет, мусор тут они копят, – сказал Артем. – Вынуждены копить. Игорь Петрович как-то жаловался – мол, по несколько дней не может выбросить, набивал мешки и сам на машине отвозил на свалку. Здесь у них новое все в поселке. Еще не отлажено.

– А он что, сам товары в Интернете заказывал?

– Не знаю, вряд ли. Скорее всего это она, его жена.

Гущин подошел к входной двери – тяжелой, железной, обитой искусственной зеленой кожей, со множеством замков, с задвижкой и цепочкой.

– Полина Вавилова впустила убийцу в дом. Сама, – сказал он. – Никаких следов постороннего проникновения. И подбором ключа эту дверь снаружи не откроешь, такая конструкция. Я же говорю – бывший опер знает, как обезопасить дом от воров. Но убийца сюда вошел. Если Полина его не знала, значит, она открыла дверь по звонку и при этом не испытала никаких подозрений.

– Доставка товаров на дом? Курьер интернет-магазина? – спросила Катя. – Убийца прикинулся курьером?

Гущин попросил эксперта в перчатках открыть входную дверь. Но тут внезапно к нему подбежал другой эксперт:

– Сиваков просит вас в гараж вернуться, срочно!

Гущин повернул назад. Его грузное, полное тело вытянулось в струнку, когда он проходил по узкой полосе ламината, там, где не было на полу кровавого следа. Катя тоже шла осторожно, балансируя как на жердочке.

– Что еще у тебя? – спросил он Сивакова в гараже.

Тут уже было полно экспертов. Один из них с помощью пульта открывал подъемную дверь, чтобы выгнать из гаража серебристый «Ниссан» Полины Вавиловой, освобождая место для тотального осмотра.

Сиваков указал на валявшийся у стены деревянный ящик:

– Вот здесь могут быть следы убийцы.

– Как на пиле и на пневматическом молотке?

– Там мы с тобой ничего не найдем. – Сиваков не строил иллюзий. – Он не такой идиот, чтобы оставлять свою визитку на подручных инструментах. Я не о пальчиках говорю. Я говорю о следах других – почва, микрочастицы, пыль с подошв его чертовых ног.

– Как на полу?

– С пола мы тоже ничего не соберем. Пол бетонный, это дохлый номер. А ящик деревянный. Это другое. Он на этот ящик вставал.

– Почему ты так решил?

Сиваков повернулся к страшной «инсталляции» на стене.

– Люди обычно пишут на уровне своих глаз. Это непроизвольно получается – во многих случаях так удобнее. А по этой детали мы можем установить рост убийцы. Только не в этом случае. Он и это предусмотрел. С определением роста не получится, потому что надпись – я сразу это увидел – слишком высоко.

– Да, высоковата. Не то чтобы очень, но...

– Убийца вставал на ящик, когда все тут прибывал и писал. Потом отшвырнул его подальше за машину.

– Ты хочешь сказать, что убийца мог быть и небольшого роста?

Сиваков молчал.

– А как насчет физической силы?

– Пила – электрическая, молоток пневматический. Инструменты полдела сами делают, облегчают задачу. – Сиваков говорил все это цинично, но на стену... на стену он смотрел, не отводя глаз. – Труп он из холла не перенес, а волоком приволок. Может, и надпись столь короткая «Мшу», потому что ему рукой отрезанной тяжеловато было орудовать. Кость у нее, у Полины, широкая. Так что не могу я сказать, что тут большая физическая сила потребовалась. Но и опровергнуть это мне пока нечем.

Гущин молча созерцал участок, открывшийся им из-за поднятой двери гаража.

Катя пыталась составить себе о доме полковника Вавилова цельное представление. Двухэтажный дом, новый. Сам построил его себе, взял кредит, ипотеку? Внизу – просторный холл, переходящий в гостиную с диваном и телевизором, и кухня. Супружеская спальня и другие комнаты наверху.

Тело Полины Вавиловой до сих пор лежало в гараже. Эксперты делали свою работу.

Такая молодая...

Она такая молодая...

Крашенные светлые волосы...

Эта рана на ее горле как алый цветок...

Ноги согнуты, неестественно подвернуты...

Ну да, ОН же «работал» тут с ее телом, орудовал электропилой... Это называется манипуляция. ОН манипулировал с трупом, потому что хотел, как сказал Сиваков, получить «подручный материал» для надписи.

Чтобы оставить нам указание на ясный и недвусмысленный мотив.

И чтобы вселить ужас в наши сердца.

Катя видела женские руки – там, на стене.

И женское тело, лишенное рук.

Хорошо, что полковник Вавилов больше не смеется там, за стеной... И не называет ЕЕ Венерой Милосской...

Когда бывшие начальники уголовного розыска бьются вот так в истерике, в бессильном отчаянии, потеряв самое дорогое...

Какая же она молодая – эта Полина, его жена. Ей всего двадцать лет.

– Во всем этом есть что-то нечеловеческое. – Эксперт Сиваков в который раз повторил эту фразу. – Я никак не могу отделаться от этой мысли. Но это не проявление маниакального психоза.

– А что это, по-твоему? – спросил Гушин.

– Демонстрация и торжество.

– Над чем?

– А над чем, по-твоему, торжествует месть?

– Мы сейчас попытаемся все это снять, – сказал эксперт-криминалист Сивакову.

Гушин как-то неприлично быстро повернул к двери – назад в холл. Катя, чувствуя, как к горлу подкатывает ком тошноты, заспешила за ним.

Прочь, прочь, прочь! Прочь отсюда.

Дверь в кухню закрыта. Там врач с Вавиловым. У распахнутой входной двери Артем Ладейников разговаривал с экспертами.

В холле пахло кровью и свежим, холодным ветром. Кате хотелось, чтобы это был просто ветер. И она безмерно обрадовалась, когда Гушин кивнул Ладейникову:

– Пойдемте пройдемся.

Они вышли, их окутали вечерние сумерки. Катя поежилась от холода, застегнула молнию стеганого пальто-дутика до подбородка. Апрель, а тут в низинах в окрестных рощах еще лежит снег. Красивое здесь место, озеро недалеко. И не скажешь, что под самым боком с одной стороны подмосковный город Рождественск, а с другой – Москва подступает.

А тут – поля в вечерней дымке. Дорога, к федеральному шоссе. У шоссе – кондоминиум, напоминающий слепившиеся друг с другом птичьи гнезда. А здесь – простор. Новые дома стоят отдельно друг от друга.

– Нет никакого забора. Доступ на участок открыт, – сказал Гушин.

– Это экопоселок. Тут такие правила. – Артем Ладейников огляделся. – Они сами так захотели – жители, владельцы коттеджей. Игорь Петрович говорил – современный экоурбанистический стиль. Как в Европе.

– Или на Рублевке, – хмыкнул Гушин. – И здесь тоже все чертовски дорогое. И земля, и участки. И дома.

– Тут у них ветряки для электричества. – Артем махнул куда-то в сумерки. – С дороги видно.

– А въезжать как сюда, в поселок? Я ехал – здесь уже наши везде, ГИБДД, все перекрыли. А вы как въезжали с Вавиловым? Там у них КПП, сторож?

– Никакого сторожа. Они поставили шлагбаум. И у них пульта у каждого. Они сами въезд открывают.

– А как же экстренные службы сюда попадают?

– Я не знаю. – Артем пожал плечами. – Это надо у Игоря Петровича спросить.

– Как только он адекватным станет. А пока что вы можете сказать?

– Мы приехали, а тут это. – Артем Ладейников умолк, потом продолжил: – Мы как вошли... А она – в гараже... А на стене... Он как это увидел... Честное слово, я больше за него в тот миг испугался. Думал, если у него табельный в кобуре, он застрелится прямо там. Но вроде с табельным на совещание к губернатору не ездят. А он на совещании был. Потом мне позвонил, мол, собирайся, я тебя у метро захвачу.

Полковник Гушин слушал, а сам осматривал участок. Катя глядела себе под ноги – все заасфальтировано тут, и плитка везде от самой подъездной дороги. Вавилов, видно, грязь дорожную не терпит. А в результате – каменный дворик, и никаких следов убийцы. Деревья тоже повырублены, пни выкорчеваны. Вон соседние дома – там старые деревья постарались сохранить. А Вавилов сделал «место пусто».

Окна двух соседних домов закрыты металлическими жалюзи изнутри. Наверное, никто не живет там.

– Что, еще не купили дома? – спросил Гушин.

– Я не знаю, – ответил Ладейников.

– А вы, Артем... на «ты» буду к тебе обращаться, хорошо?

– Хорошо, Федор Матвеевич.

– А ты бывал тут прежде – у него дома?

– Однажды. Мы из Шатуры ехали. Игорь Петрович там информационно-аналитическую работу проверял. Обычно я в приемной у него сижу, я же фактически секретарь-помощник. А в тот раз он меня с собой взял. И на обратном пути заехали к нему домой обедать, то есть ужинать уже.

– Ты Полину видел?

– Да, видел в тот день. – Артем вздохнул. – Она ничего не умеет готовить. Сделала нам омлет. Игорь Петрович ел и хвалил. Мы с его водителем тоже ели, потом меня водитель домой отвез.

– А сегодня Вавилов водителя не брал и служебную машину тоже? – спросил Гушин, бросая взгляд на стоящий у дома серебристый внедорожник Вавилова.

– Сегодня нет. Он в выходные старается водителям дать отдых.

– А тебя что же на работу выдернул?

– Не на работу. – Артем покачал головой. – Он меня помочь попросил. Вчера сказал: не окажешь услугу? У жены Полины, мол, что-то там с ноутбуком. То ли зависает, то ли что-то с программой. Я согласился, конечно, посмотрю, сделаю что могу. Он сказал, что во второй половине дня, после совещания позвонит. И позвонил.

– Во сколько?

– Около половины четвертого. Мы у метро встретились, он из центра ехал, а я от себя. Забрал меня.

– Сам за рулем на этой машине?

– Да.

– И что дальше?

– Мы сюда приехали.

– Он там, на дороге, пультом открыл шлагбаум?

– Ну да, я же сказал, а это важно?

– Нет. И что тут у дома?

– Ничего, он позвонил. Никто не открывает. Он сказал: дом большой, Полина наверху. И полез за ключами.

– Он ключом открыл дверь?

– Да.

– Так у них же там задвижка, цепочка изнутри. Он что же, знал, что на задвижку не закрыто?

– Я понятия не имею.

Катя слушала Гущина. Вот о чем он сейчас спрашивает этого парня, секретаря? Ведь он уже выяснил, что у Вавилова на момент убийства – алиби. Тот находился на совещании у губернатора вместе с начальством Главка. К чему все эти вопросы?

Или Гущин до конца Вавилову, что ли, не верит? Что тот организовал себе алиби и нанял киллера – жену убить?

– Значит, дверь открытой оказалась? – уточнил Гущин.

– Нет, закрытой, он ключом открывал.

– Я имею в виду не на задвижку и цепочку.

– Так она же мертвая уже была к тому времени. – Артем всплеснул руками. – Кто же там задвижку задвинул бы изнутри?

– Я имею в виду то, что Вавилов открыл дверь своим ключом. А не стал дальше громко звонить в дверь. И по мобильному он ей, кстати... звонил с дороги?

– Нет, при мне в машине нет.

– Ладно. И что дальше?

– Мы вошли, а там кровища на полу. Он сразу по следу этому – в гараж. А там... – Артем Ладейников умолк. – Я поначалу растерялся. Потом стал в Главк звонить дежурному.

– А Вавилов?

– Он к жене бросился. И стал словно помешанный. Когда увидел... ее и то, что там на стене. Руки... эту жуть... и то, что там намалевано. Потом из ОВД приехали – им из дежурной Главка сообщили. Когда много народа – легче. А то я не знал, что мне с ним, когда он в таком шоке, делать.

К дому со стороны дороги двигалась «Скорая». Нет, не «Скорая», а «труповозка». Сейчас там, в доме, тело Полины Вавиловой упакуют в черный пластиковый мешок и повезут в бюро судебных экспертиз.

Катя не желала возвращаться в этот страшный дом, где жил бывший начальник уголовного розыска.

Где-то в голых, лишенных листвы кустах тенькала птаха-невидимка, провожая стремительно заканчивающийся день.

Птица что-то вещала тоненьким надтреснутым, как мертвый колокольчик, голоском.

Катя не желала прислушиваться. Она чувствовала, как ее колотит дрожь.

Глава 7

Мимоза

Это в прежней жизни ее называли Мимоза. Имя ей нравилось – эти желтые мартовские цветы с насыщенным ароматом, неказистые, но такие стильные, где сама природа, а не цветочная селекция говорит сама за себя.

– Марина Сергеевна, мы можем закрываться, ни одного клиента за весь вечер.

Она стояла у окна и смотрела на Садовое кольцо – машины, машины, огни, огни, весенний вечер.

Раньше жизнь ее активная с вечерними сумерками только начиналась – лимузины, дорогие рестораны, корпоративные вечеринки. Там ее все знали под именем Мимоза. Эти желтые цветы, дешевка, их никто уже почти не дарил на мартовские праздники, предпочитая розы и тюльпаны. Но она никогда не слыла дешевой. Напротив, она была дорогой.

И в какой-то момент взвинтила на себя цену до предела.

Этот вот салон красоты на Садовом кольце у Курского вокзала, которым она теперь владеет. Ведь так прекрасно все начиналось три года назад. Она получила уже раскрученный бизнес с клиентской базой, с завсегдатаями салона и налаженными связями.

А потом наступил экономический кризис. Аренда взлетела до небес. Клиенты куда-то все сразу подевались, и вот...

Например, за сегодня по записи пришла только одна клиентка. Вчера было, правда, три клиента. А позавчера – ни одного. Салон пустовал.

– Так что, маникюршу мы увольняем? – спросила Мимозу менеджер, сидевшая на рецепции и отвечающая за... раньше только за запись клиентов и расчеты, а теперь за все – по совместительству. – Массажистку в прошлом месяце уволили. Значит, и маникюршу тоже – того?

Того – не того... Мимоза не ответила. Она села в вертящееся парикмахерское кресло, положила ногу на ногу и достала из сумки пачку сигарет. Закурила, глядя в окно.

Курить никому не позволялось в салоне красоты, но сейчас все равно никого нет, и никто не придет. Окна до пола, дорогое оборудование, стильный дизайн. И она всему этому стала хозяйкой. Только вот удача, деловая удача покинула ее в тот самый момент, когда она думала, что ухватила синюю птицу счастья и достатка не за хвост, а за горло.

Мимоза рассматривала свои длинные стройные ноги, обтянутые рваными джинсами. Дорогая стильная рванина из Стокгольма. Она одевалась модно. Но в оные времена многие, ох многие предпочитали видеть ее раздетой, а не одетой.

Что ж, природа не поскупилась, создавая ее, – великолепная фигура, высокий рост. Пусть лицо не столь миловидное, с резкими чертами и тяжеловатым подбородком, носом-уточкой, зато волосы – как лен. Длинные, густые. Что ж, Ума Турман тоже не писаная красотка, а стильная баба. Как цветок мимоза, что так мил сердцу.

Есть некая тайная прелесть...

Вроде и не на что смотреть, а глаз отвести невозможно. И забыть невозможно тоже.

Черт, она ведь думала, что в ту ночь он покалечил ее! Изуродовал. Он ведь сломал ей нос, когда ударил...

Там, в номере загородного отеля «Сказка интернешнл», где они всей фирмой собрались на корпоратив, сняв и аквапарк, и бассейны. Да что там – весь отель.

Но с лицом как-то все обошлось. Нос поправил хирург. А на суде, где она выступала в роли потерпевшей, фигурировали телесные повреждения средней тяжести.

И еще там фигурировало «изнасилование».

Но об этом Мимоза сейчас думать не хотела. Она курила сигарету и созерцала Садовое кольцо.

Она ведь и не мечтала устроиться в Москве вот так. Но устроилась. И подумала, что жизнь обретает вкус и смысл.

Но кризис разрушил все мечты и надежды.

Может, зря она старалась?

Может, вообще все было зря?

Сколько еще продержится ее салон тут, на Садовом, в центре Москвы? Когда аренда сожрет весь доход? Что, продавать бизнес и перебираться куда-то на окраину, в спальный район, открывать там эконом-парикмахерскую, как делают сейчас многие из ее коллег?

Но она не умела этого. Она не умела ничего организовывать. Все эти новые «старты» бизнеса... Она не знала, как это делается, с чего начинается. Она ведь стала хозяйкой фактически готового, раскрученного бизнеса и думала, что так будет вечно, что салон красоты – это надежно, это станет приносить солидный доход. И можно будет забыть на все и развлекаться, получать наконец все удовольствие от жизни – наряжаться, путешествовать, спать лишь с теми мужиками, которые по сердцу и...

Она ведь прошла через весь этот ад – через следствие, через суд.

Она ведь прошла через это.

И вот все надежды теперь разбиваются о банальный быт – о непосильную арендную плату и отсутствие клиентов.

Что, теперь все дома, что ли, красят себе волосы? И ногти сами, что ли, себе покрывают лаком и стригут? И делают педикюр? Почему они стали экономить именно на этом? Разве в кризис женщина должна забывать о том, что она – женщина?

Или правда, что ли, денег ни у кого нет?

Лишней копейки, лишнего рубля...

– Так как с маникюршей, увольнять? – спросила ее менеджер на рецепции. – Марина Сергеевна, ваше слово.

Мимоза потушила сигарету о мраморную столешницу перед зеркалом, потеряла нос – некогда сломанный там, в номере отеля «Сказка», и потом заботливо поправленный пластическим хирургом.

Она не знала, что ответить. Она глянула в окно.

Возле салона остановилась машина. Водитель вышел и...

Он запрокинул голову, читая вывеску, сверяясь с какой-то бумажкой. Он не открыл дверь салона и не вошел внутрь.

Он вернулся к машине.

Но всех этих кратких мгновений было достаточно – Мимоза его узнала. Даже в вечерних сумерках – вот так, когда фонари горят тускло. Даже через столько лет.

Она узнала его.

Потому что до этого они встречались и...

Это было как удар.

Мимоза ощутила ужас в своем сердце – черный липкий первобытный ужас.

Все сразу померкло перед этим чувством. И даже крах бизнеса, потеря салона показались ей несущественным пустяком.

Как он очутился здесь? Как он выбрался на свободу? Он что, сбежал?!

Глава 8

Ночью в кабинете окнами на зоологический музей

– Федор Матвеевич, то, что вы у Ладейникова спрашивали – про ключи, про задвижку на двери, про то, что Вавилов жене по дороге домой не звонил, это зачем? – прямо спросила Катя. – Вы все равно его подозреваете в убийстве жены?

Разговор этот происходил много времени спустя после осмотра места убийства. В Главке в Никитском переулке, в кабинете Гущина окнами в переулок, на Зоологический музей.

Они все – вся опергруппа – вернулись в Главк ночью. Игорь Вавилов тоже приехал в Главк – вместе с главковским психологом. Вавилов не собирался ночевать в доме. А мысль остановиться у кого-то из друзей или родственников или снять номер в отеле... видно, об этом он даже не думал. Он приехал «на работу», в Главк.

Начальник ГУВД тоже приехал на ночь глядя, и они беседовали с Вавиловым.

Полковник Гущин ждал, когда они закончат свой разговор, потому что у него с Вавиловым тоже должна была состояться беседа.

– А нельзя утром? – спросила Катя. Она тоже не отправилась домой. Решила сидеть, слушать, наблюдать до конца. В этом кабинете окнами на Зоомузей.

– Я Игорю предложил, он ответил – нет, сегодня. Следствие не может ждать.

– Значит, он все же немного успокоился, – решила Катя и задала тот свой вопрос про ключи и задвижку.

Полковник Гущин сидел за письменным столом – без пиджака, в одной рубашке, из белой и крахмальной ставшей серой после многочасового осмотра дома и гаража. Под мышками – пятна пота. Никакой дурацкой кобуры «наискосок». Лысина блестит как зеркало, отражая огни люстры.

Кабинет окнами на Зоомузей залит светом. Ночь. Чайник на чайном столике холодный. Не время сейчас пить чай.

– Так все-таки вы его подозреваете в убийстве жены? – повторила Катя. – Одна из версий, да? Сам себе алиби подготовил, а киллера нанял. Поэтому знал, что дверь изнутри на задвижку не закрыта, и жене с мобильного не звонил? Может, и парня, своего помощника, для этого с собой взял? Лишний свидетель, мол, подтвердит, что, когда они приехали туда, Полина уже была мертва.

– Это и так ясно. Сиваков сказал, что ее убили днем между одиннадцатью и часом.

– Нанятый Вавиловым киллер? – гнула свое Катя. – Вы Вавилову не верите. Подозреваете его. Оттого вы сейчас такой...

– Какой? – спросил полковник Гущин.

Катя хотела сказать «как в воду опущенный», но прикусила язык. Нет, это не точные слова. И не «печальный» он, и не «разочарованный». И не «испуганный», и не «сбитый с толку».

Гущин сейчас какой-то бесцветный. Несмотря на то что лысина блестит...

Полковник Гущин здорово постарел. Он и в отпуске был, и в госпитале потом лежал. Вообще слухи бродили, что он на пенсию уходит. Катю эти слухи пугали. За то время, пока Гущин отсутствовал, многое изменилось.

Но вот он вышел на работу. Вот он опять сидит в своем большом кабинете шефа криминальной полиции.

И окна кабинета смотрят на Зоомузей.

– Вавилов опять в министерство уходит. И на этот раз снова на повышение. На генеральскую должность в Штаб. Дело уже решенное, а потом и выше пойдет, на замминистра, – ответил Гуцин. – И есть информация... слухи, если хочешь знать, что этим он во многом обязан связям своего тестя. Отца Полины. Тот в Торгово-промышленной палате состоит и в Союзе предпринимателей. Ему эта женитьба очень помогла и дальше бы помогала. А теперь не знаю уж как. Тесть обвинять зятя начнет, что не уберег сокровище – молодую жену. Нужные деловые связи порвутся. Есть резон убивать жену?

– Нет, но вы же...

– Ему сорок один. Ей двадцать. Не красавица. Но из очень богатой семьи. Дом этот – фактически ее приданое. Подарок ее отца к свадьбе. Есть резон убивать?

– Наследство.

– Там всем семья владеет, тесть. Влиятельный тесть. А теперь они врагами станут с Вавиловым.

– То есть вы считаете, что у Вавилова не было причин нанимать киллера и убивать жену?

– В материальном, карьерном и деловом плане он многое потеряет. А насчет их отношений... как он к жене относился, мы сегодня его послушаем. Что он сам скажет.

– Да, послушаем, если только...

– Если только что?

– У меня сложилось впечатление, что вы его подозреваете, – сказала Катя. – По обязанности – должны.

– Ты видела, что там, на стене, написано?

– Да.

– И слышала, что Сиваков об этом сказал?

– Да, но...

– Убийца оставил нам ясный, недвусмысленный знак о причинах, о мотивах этого убийства.

– Месть?

– Сотрудникам полиции иногда мстят.

– Да, но...

– За их профессиональную деятельность.

– Я знаю, но...

– И мстят жестоко. – Гуцин откинулся на спинку кресла. – Правда, такого, как в доме, я еще за всю свою службу не встречал.

– Кто-то вот так убил его жену, чтобы отомстить ему за... За что? За какое-то дело? За арест?

– Это и станем выяснять.

– Но он же работал с вами долгое время. То есть не здесь, в Главке, а «на земле», в районе, вы можете предположить, что это за дело?

– Вавилов сам из Рождественска. У него выслуги, кажется, лет восемнадцать уже. Почти все время в уголовном розыске он работал. Сначала опер, потом старший опер, затем начальник уголовного розыска ОВД Рождественска. И вот уже пять лет, как он не в розыске. Он поменял службу. Сначала ушел в министерство, в кураторский отдел его взяли. На повышение. И потом два года учился в академии на курсах для высшего руководящего состава. Затем сюда в Главк его назначили на эту должность. Он тут у нас почти год без малого. Фактически он – один из моих начальников теперь, а когда-то... когда-то... – Гуцин покачал головой. – Он пять лет никакими уголовными делами не занимался – рос по карьере, учился, связями обрастал. Вот женился на этой девушке из богатой, очень богатой семьи. Отец Полины сообразил – Вавилов перспективный зять, с амбициями, может и до министра

МВД дослужиться. Так что там интерес у них был обоюдный породниться. А теперь все рухнуло.

– Это дело из его прошлого, да? – Катя... она все говорила, говорила, спрашивала, спрашивала.

Лучше уж говорить, обсуждать. Не молчать. Иначе сразу перед глазами всплывала та картина – руки, прибитые к стене. Руки, отрезанные электропилой. И уложенные в причудливую букву «М».

Мицу...

– Что же это за дело?

Гущин молчал. Нет, он не раздумывал над Катиным вопросом и ничего не вспоминал. Он просто хранил молчание.

– В фильмах всегда показывают, если у полицейского убивают жену или кого-то из семьи, тот сразу плюет на закон, на все... и начинает мстить в ответ, мочить всех без разбора, – сказала Катя. – По-вашему, тут у нас будет так же?

– Мы сейчас с ним побеседуем, – тихо ответил полковник Гущин. – Ты мне поможешь, если он... если он снова вдруг впадет... ну, станет неадекватным с горя. Начальник Главка его, конечно, от работы освободит на какое-то время – в связи с похоронами и вообще с расследованием. Но без Вавилова мы не справимся. Потому что он для нас сейчас – один из самых главных свидетелей.

– Свидетель, значит, не подозреваемый?

– Свидетель, – повторил Гущин. – Это дело связано с тем, чем он занимался пять лет назад, будучи начальником уголовного розыска в Рождественске.

Он произнес это как раз вовремя.

В дверь кабинета постучали.

А потом вошел полковник Игорь Вавилов. Гущин встал ему навстречу.

Катя съежилась в комок на своем стуле. Ей хотелось и уйти, и остаться. Все сразу и одновременно. Вавилов ее даже, кажется, не заметил.

Они с Гущиным сели рядом на дальнем конце совещательного стола.

– Переночуешь в Главке? – спросил Гущин.

Вавилов кивнул.

– А утром?

– Поеду домой.

– Может, не надо туда? Домой-то?

– Тесть днем прилетает из Гонконга. Он там на бизнес-форуме. Все сразу прервал, всю программу. Похороны ведь надо готовить.

– Сиваков с медэкспертизой не задержит, – сказал Гущин. – Он обещал.

– Пусть делает, что нужно. Что необходимо.

Катя слушала Вавилова. Спокойно говорит сейчас. И взгляд... взгляд тоже – ничего. Не безумный.

Видно лекарство подействовало. И вообще. Он взял себя в руки. Он смог.

Это ли не подвиг в такой ситуации?

– Вопросы есть, Игорь Петрович. – Гущин медлил, ждал его реакцию.

– На все отвечу. Если ответ смогу найти.

– Где вы с женой познакомились?

– На дне рождения ее отца. В ресторане на банкете. Нас рядом посадили, – ответил Вавилов. – Тесть – приятель Бубнова, замминистра.

«Шишки, большие шишки», – подумала Катя.

– Красиво ухаживал? – спросил Гущин.

– Я ее водить машину начал учить. Она так хотела права и за руль сама. Храбрая, как чертенок. А я в роли учителя автошколы. А потом как-то все само собой вышло. Мы поженились.

Катя разглядывала Вавилова – конечно, разница у них в возрасте была большая. Но он мог понравиться юной девушке из богатой семьи. Без пяти минут генерал, в прошлом – геройский супермен, начальник уголовного розыска. Хотя был ли он суперменом? Внешность приятная, мужественная, сила в фигуре. Ее отец не возражал, видно, предполагал, что Вавилов – человек состоявшийся и еще сделает блестящую карьеру в министерстве на большой должности. Для юной Полины – это лучшая партия, чем какой-то там сверстник-оболдуй пусть из тоже богатой семьи.

– Я с ней был очень счастлив. Я ни с кем не был так счастлив, как с ней. – Вавилов говорил тихо. – И она тоже. Она влюбилась в меня. Мы на той неделе хотели годовщину отмечать, год брака, год счастья. Я ресторан заказал, этот, как его – кайтеринг. Недели Полина до нашей годовщины не дожила.

– А твоя бывшая где сейчас? – осторожно спросил Гуцин. – С ней вы как? С детьми?

– Я ей алименты плачу аккуратно. Она устроилась, у нее хахаль есть – тоже, кстати, из нашей системы. Там все нормально. С детьми я вижусь. Если ты, Федор Матвеевич, думаешь, что...

– Нет, просто спросил. Вынужден спрашивать о таких вещах.

– Я понимаю. Моя бывшая не имеет к этому никакого отношения. Мы мирно расстались. Она этого сама хотела. А сейчас она вполне удовлетворена своим новым мужем.

– А Полина? – спросил Гуцин.

– Что Полина?

– Может, пацан какой-то был до тебя у нее? Не перенес ее замужества, приревновал к тебе. Может, это ей месть, не тебе?

– У нее никого не было, – ответил Вавилов. – Я у нее первый.

– Она могла не сказать.

– Она мне все говорила. Мы любили друг друга. Я любил ее больше жизни. – Вавилов сжал кулаки. – Мы хотели детей. Трех.

– А в ночь накануне убийства вы...

– Да, да, занимались любовью. – Вавилов смотрел на стиснутые кулаки. – Сиваков меня об этом уже спрашивал. Я понимаю, что это нужно вам выяснить перед судмедэкспертизой.

Катя старалась совсем съежиться, уменьшиться на своем стуле. Очень личный допрос. И в качестве допрашиваемого – коллега, полицейский. Такие вопросы обычно полицейские задают другим. А отвечают на такие вопросы неохотно.

– Полина сама впустила убийцу, – сказал Гуцин. – Оттого я все это и уточняю. Предположил, может, это ее прежний приятель, студент-ревнивец.

– Не было никаких ревнивцев, Федор Матвеевич. Она была домашняя, чистая девочка. Правда, очень современная и продвинутая.

– Она в институте училась?

– Мы решили на первый год брака взять академотпуск. Зачем ей было учиться, когда мы хотели трех детей?

– Расскажи, как все было утром, – попросил Гуцин.

– Как обычно. Это совещание в субботу у губернатора, я обязан был ехать. Полина еще спала. Но потом проснулась. Проводила меня до двери. Обычное утро.

– Завтрак не готовила?

– Я сам себе и ей часто готовил. И ужин тоже. – Вавилов не улыбался. – Я любил готовить для нее.

– У вас там в холле очень много коробок из интернет-магазинов. Кто был главным покупателем?

– Она. Я в этом не спец совсем. Она дом обустраивала. Садилась в машину, ехала по магазинам – она это обожала. Надо же как-то развлекаться? Я целый день на работе. По выходным мы вместе ездили. Покупали. Она доставку на дом оформляла. Но многое она заказывала в Интернете, это правда.

– Она, например, не упоминала, что в этот день ждет доставку из магазина?

– Не упоминала, хотя... Доставки очень часто приезжали. Мы вообще об этом не говорили, я в это не вникал. Это женское дело – шопинг. Это развлечение, хобби. Отдых ее. Она и денег особо не просила. Ей тесть на карточку клал. Они там... семья считала, что лучше, если Полина будет первое время абсолютно независимой финансово.

– Мы коробки, ярлыки, ценники изъяли. Мусор тоже. Станем разбираться. Ноутбук ее посмотрим.

– Смотрите. Все, что может помочь. Ладейникова, моего секретаря, возьмите в группу. Я его попрошу. Он парень сообразительный. И в компьютерах хорошо соображает. Я его в министерство с собой возьму, если согласится аттестоваться.

– Ты сам ему предложил приехать починить компьютер Полины?

– Там скайп зависал и программа. Она с отцом постоянно общалась – он в Гонконг улетел. Сейчас вот обратно летит – на похороны. Я Артема попросил помочь разобраться с проблемой. Мы Полину вместе с ним обнаружили там, в доме.

Спроси его, почему он дверь своим ключом открыл и отчего из машины Полины не звонил.

Но Гуцин не стал этого спрашивать. Он, видно, для себя многое уже решил.

– Ну вот, теперь мы и подошли к самому главному, – сказал он.

Вавилов посмотрел на него.

– Из-за какого дела, из-за какого расследования с тобой могли поступить вот так? – спросил Гуцин.

– Я все думаю об этом. Сначала даже сконцентрироваться не мог.

– Ты пять лет уже ничего не расследовал, никого не сажал. – Гуцин наклонился к нему. – Это старая история с длинным концом. Какое из дел, по-твоему?

– Их много было, Федор Матвеевич, ты сам знаешь.

– Рождественск не Чикаго. Дела должны быть пятилетней давности или около того.

Вавилов сосредоточенно молчал. На лбу его вздулась вена.

– Грибов, прокурор, – сказал за него Гуцин. – Вот что первое приходит на ум и мне, и тебе. Мне, когда я думаю о вашем районе и городе Рождественске. Но были и другие дела.

– Начальник Главка сказал, что вы поднимете архив. Но я... я не смогу в этом участвовать лично. Он меня не отстраняет, но... он запретил в общем. По правилам и по инструкции не положено. Но я все равно стану помогать. Федор Матвеевич, ты ведь не откажешь мне в этом?

Гуцин обнял его за плечи.

Они сидели рядом – двое мужчин, двое коллег.

Катя чувствовала себя абсолютно лишней. Но ее они оба не замечали.

Глава 9

Жизнь в сортире

Если бы где-то когда-то кем-то проводился конкурс на звание лучшего бесплатного общественного туалета, то туалет на втором этаже огромного торгово-развлекательного комплекса «Товары и услуги» занял бы, наверное, четвертое место, не попав в тройку лидеров.

Огромное помещение, отделанное искусственным мрамором, напоминало вокзал. Тут было так же многолюдно, как и у билетных касс.

Наталя Грачовская, чья жизнь вот уже несколько лет проходила тут, в сортире, чувствовала себя на своем рабочем месте как на вокзале перед дальней дорогой.

Вот сейчас свистнет гудок тепловоза, и поезд с пассажирами, среди которых сплошь одни женщины, тронется...

Но вместо гудков вокзальных включались лишь новейшей системы автоматические сушилки для рук да журчала вода в унитазах.

Наталя Грачовская вышла на работу в сортир в воскресенье утром. Тем, как она провела субботу – свой законный выходной, она осталась вполне довольна.

Суббота принадлежала полностью ей. И осталась в памяти.

А в воскресенье, как обычно, Наталя явилась в торговый центр за час до официального открытия, прошла через служебный вход, поднялась на второй этаж и открыла своим ключом подсобку возле туалета, где хранились моющие средства, швабры, тряпки для протирки и полировки кафеля. Тут же стоял колченогий стул и приткнулся крохотный столик с электрическим чайником.

Пить чай возле сортира – не самое милое дело. Но Наталя вынуждена была экономить деньги. И никогда за весь свой рабочий день не ходила в так называемый ресторанный дворик торгового центра и не покупала бургеры, кофе и жареную картошку в корбочках.

Еду она обычно готовила дома и приносила с собой. Быстро украдкой ела, чтобы не заметил досужий менеджер. И потом снова ныряла в сортир, вооружившись шваброй.

Она работала уборщицей туалета в торговом центре вот уже несколько лет. И о прошлой жизни своей старалась... забыть? Нет, как тут забудешь. Просто думать поменьше.

Но и это не получалось.

В прошлой жизни сверкали звезды и небо сияло алмазами. В прошлой жизни остался педагогический институт, который она окончила когда-то с красным дипломом. Школа в Рождественске, где она долгие годы работала учительницей географии, а потом стала по совместительству завучем. И выиграла профессиональный конкурс, став лучшим учителем года Подмоскovie.

Как раз в том году это было...

В том году после всех успехов она все потеряла.

Жизнь, что развеялась в мгновение ока как дым по ветру.

Старуха-мать, заработавшая жестокий инсульт, парализованная, прикованная к кровати на годы.

Разбившиеся вдребезги мечты о замужестве.

И...

И вообще все.

Чтобы как-то прокормиться, Наталя перепробовала множество профессий. Но она ничего не умела, кроме как преподавать, быть педагогом. Даже ее профессиональные навыки не смогли ей помочь, когда она сначала пыталась устроиться в торговлю. У нее сразу как-

то образовалась недостача. И хозяин магазина вычел из ее жалованья. А потом вообще пришлось возмещать.

В конце концов, после долгих мыканий и поисков работы в кризис, она нашла это вот вакантное место – «без материальной ответственности». Как ей объяснили – вам еще повезло. Тут стабильная зарплата.

Уборщица туалетов...

Зарплата и точно стабильная, и это плюс, большой плюс.

И еще выходные по графику.

Сначала казалось – ну вот, жизнь достигла своего вонючего дна.

Но Наталья вспоминала через что ей пришлось пройти и все же выйти сухой из воды. И по сравнению с теми временами «жизнь в сортире» могла показаться почти что курортом.

Мой курорт...

Я тут почти как барыня...

Как сыр в масле катаюсь...

Вот это самое Наталья Грачковская внушала себе каждый раз, вздыхая, натягивая на руки резиновые перчатки и беря в руки скребок для придания раковинам блеска.

Я тут сама себе хозяйка, а черной работы я не боюсь...

Они тут только ссут...

До всего остального им нет никакого дела.

Тут меня не замечают – есть я, нет меня, и это хорошо, просто отлично.

Когда надо, я исчезну, а потом появлюсь...

Все эти мысли роились в голове Натальи Грачковской, когда она начинала свою воскресную уборку.

В туалеты заходили дамы из числа покупательниц. Хлопали двери кабинок. Наталья драила мраморный пол и поглядывала по сторонам.

Сортир – это зеркало жизни, это ее изнанка. Многие дамы входили сюда с серьезными, озабоченными лицами. Нырjali в кабинку. И выходили оттуда потом радостные, сияли словно солнышко красное.

Это оттого, что наступило облегчение.

Физическое облегчение.

Будто внутри разжимаются медленно-медленно какие-то тугие страшные тиски.

В таких вот тисках Наталья ощущала себя все последние годы.

Чувство ненависти зрело там, в глубине души, словно гной.

Когда Наталья выходила во внешний мир, что когда-то вытолкнул, исторг ее из себя, отняв все, она чувствовала, что ненависть – внутренний гной – захлестывает ее до предела.

И только тут, в этих стенах, в сортире, что стал ее прибежищем, ее маленьким мирком, этот вздувшийся гнойник ненависти как-то опадал.

Не рассасывался, нет. Но на короткие мгновения утихал.

В своей прошлой жизни школьной учительницы Наталья Грачковская славилась аккуратностью и методичностью во всем. Эти навыки помогали и здесь, в сортире, в борьбе за чистоту.

Да, если бы кто-то когда-то где-то проводил конкурс на лучший туалет, то сортир торгового центра занял бы четвертое место – Наталья Грачковская при этом бы постаралась ввести его хотя бы в первую тройку. Как она когда-то старалась, чтобы ее ученики – школьницы в особенности и школьники – всегда входили в тройку лучших по всем показателям.

Но в сортире была иная система ценностей, чем школьные баллы и показатели успеваемости. Тут все зависело от того, как быстро в кабинках меняются рулоны туалетной бумаги и как быстро опорожняются от грязи урны. Как чисто моются унитазы и кафель

пола. Как работает слив на фотоэлементах. И на этих же фотоэлементах как отрегулирована подача воды в кранах над раковинами.

Есть ли бумажные полотенца в держателях и что делать, когда все кабинки заняты, а в очереди переминаются с ноги на ногу клиентки, жаждущие...

О! Эта жажда!

Это сродни пьянству, только наоборот. И тут все естественно, как мать-природа говорила.

Это как на суде перед присяжными...

В своем прошлом Наталья Грачковская до суда не дошла.

Она сидела в изоляторе временного содержания – это было, это пришлось испытать.

Но суд ее миновал.

В туалете торгового центра шумела вода, когда нажимали в кабинках кнопки на слив. То и дело включались роботы – сушилки для рук. И их свист и гул напоминал Наталье Грачковской свист тепловозов на вокзале.

Лучше уж думать о вокзальной суете и поездах, уносящих тебя в даль, в никуда.

А мысли о школьной суете, о школьных коридорах, полных визга и смеха на переменах, о школьных звонках – такие мысли опасны.

Они – лишний повод для воспаления гноя ненависти, что копится, копится там, внутри.

Когда вы потеряли в жизни все одновременно и оказались на дне...

Когда вокруг вас – сплошной вечный сортир...

Кто в этом виноват?

Кто-то ведь есть виновный?

Только не вы.

Вам ведь тогда, на следствии, ничего не доказали.

А это значит только одно...

Наталья Грачковская терла шваброй мраморный пол и улыбалась. Дамы, заскочившие в туалет «по маленькому», рассеянно улыбались в ответ невзрачной, но приветливой уборщице в рабочей одежде и резиновых перчатках.

Они и не подозревали, что когда-то Наталья Грачковская была гордостью школы подмосковного Рождественска. И все в ее семье – от прадеда до парализованной матери, умершей три месяца назад – были потомственные педагоги.

И сама мысль, что в жизни можно заниматься еще чем-то, работать «не в школе, не в системе образования», казалась дикой, невообразимой.

Наталья Грачковская щедро поливала пол моющим средством. В это воскресенье после прекрасно проведенной субботы она чувствовала в себе силы и желание вывести и этот сортир, как когда-то свой школьный класс, в тройку лидеров.

Глава 10

Язык по-советски

Павел Мазуров поставил три небольшие бутылочки в шкаф для кухонной техники – на самую нижнюю полку, задвинул в самый дальний угол за сломанную электрическую мясорубку. Три бутылочки – две из-под бальзамического уксуса и одну из-под оливкового масла. Закрыв двери шкафа и прошел на кухню ресторана «Кисель».

– Банкет отменяется, заказ сняли, – объявил ему шеф-повар Валера, – соответственно кайтеринг тоже. Так что часть поставки нам не нужна, отвезешь продукты обратно.

По воскресеньям ресторан «Кисель», расположенный в Доме на набережной рядом с Театром эстрады, открывался в десять, предлагая меню «поздних завтраков и бранчей». Правда, на эти завтраки по выходным сюда мало кто приезжал. Дом на набережной – Серый дом – завтраки тоже игнорировал. Его обитатели ели дома и в «Кисель» не спускались.

Но шеф-повар Валера предоставлял владельцам ресторана подсчитывать убытки, а сам не унывал. Кряжистый, пятидесятилетний, похожий на орангутанга, татуированный и громогласный, он напоминал Павлу Мазурову тех немолодых уже пацанов, что обитали в местах не столь отдаленных, в которых Павел волей судьбы провел свои последние годы.

Пять лет из тридцати восьми.

Но шеф-повар Валера в тюрьме не сидел, просто играл под приклатненного, считая, что так он себе поднимает цену в глазах владельцев «Киселя».

– Екнулся банкет, – резюмировал он, – а потом позвонили и сказали, что позже будет заказ на поминки. Но у тебя же свежак в заказе. Так что мы только половину заберем, остальное вези назад.

Они с Павлом были одни в огромной новой кухне ресторана. Время восемь тридцать, и так рано повара на работу не выходили. Павел же, устроившись в фирму, занимавшуюся логистикой и снабжением ресторанов, уже с шести утра был на ногах и успел посетить и рынок, и базу. Фирма тоже принадлежала владельцам «Киселя». Она охватывала своей деятельностью много ресторанов, кафе и баров, и Павел считал свою новую работу в фирме крупной удачей.

Ничего, что он номинально менеджер-логист, а фактически разнорабочий, снабженец и грузчик одновременно. Ничего, что платят гроши. Главное – цель впереди. И она ясная.

Значит, банкет в «Киселе» отменили. Он должен был состояться на следующей неделе. Ну что ж, так тому и быть.

Пока...

– Жрать стали все дома, деньги экономят, – с грустью продолжал шеф-повар Валера. – Раньше-то ой-ей-ей то и дело шастали – чего-нибудь повкуснее пожрать. А сейчас жмутся. Я тут новое меню составлял, кумекал как бы того, оптимизировать – хозяйский приказ. А чего оптимизировать-то, куда уж дешевле делать? И так уж использую то, что раньше люди приличные и в рот не брали. Вроде как на новинке пытаюсь выскочить, на этом, как его, на психологическом факторе. Кто в ресторанах прежде пареную капусту заказывал? Никто. А теперь делаем салат из отваренного на пару кочана. А требуха? Сейчас все в ход идет – сердце, легкое, почки, весь, как говорится, сбой, вся рванинка. Это называется на грош пятак. Потому как мясо, стейк нормальный, он ого-го сколько стоит. А это – требуха, стоит копейки. А в меню называют все это сейчас «мусс из печени» или же «паштет», ставят цену такую, чтоб у клиента глаза на лоб не лезли. Или та же вермишель... У меня тут, в «Киселе», и ее начнут жрать, потому как в новинку. Раньше-то во времена моего советского детства помню эту самую вермишель – комья липкие. Но сейчас – смотря как подать, точнее, с чем.

– И как же? С чем? – машинально спросил Павел Мазуров. Он налил себе в чашку кофе из кофемашины и прихлебывал. Думал о том, что нашел бутылочкам своим из-под масла и уксуса вполне надежное место. В шкаф в подсобке возле кухни на нижнюю полку мало кто совал нос. Туда складывали всякое барахло. Держать бутылочки дома он не хотел. Во-первых, тюремная привычка. Во-вторых, не знаешь, когда что понадобится. Из «Киселя» забрать проще, потому что ресторан в городе и в самом центре, а дом Павла в Куркине, в Химках.

– Это уж как фантазия припрет, как мысль осенит, – ухмыльнулся повар Валера. – Я вот типа открытой кухни в зале хочу организовать. Не настоящая, конечно, цех-то наш пищевой тут основной. А там так, для понта. С чем вермишель подать, спрашиваешь? А вот с этим, например, – бифштекс по-сталински.

Он повернулся и бросил на разделочную доску шмат размороженного мяса самой дешевой категории. Потом взял в руки два поварских страшных ножа и...

Ножи замелькали как молнии, во все стороны полетели кровавые брызги мяса.

– Не мясорубку использовать, а вот так по старинке «рубкой» – рубленый бифштекс по-сталински. Эхххххх ма! Лес рубим – щепки летят. – Повар Валера орудовал ножами, рубя мясо в крошку. – Или другой аттракцион – почки а-ля Лубянка. Чем не название, а? Как их там при папе-чекисте, а? А? – Он подмигивал Павлу. – Ты-то вот сидел, я знаю. Как почки-то на допросах отбивают, небось сам испытал.

Павел Мазуров пил свой кофе. Он думал о том, что ему надо поехать еще по одному адресу. Проверить. И желательно сегодня.

– Я в меню поставил язык по-советски, – продолжал повар Валера. – Главный деликатес в «совке», как не помнить. И чего? Язык-то закажут, возьмут. Тут в Сером доме – у них память генетическая, они не сердцем – жопой те времена помнят. И дети и внуки их, так что... Я еще покумекаю, что им в меню предложить в «Киселе».

– Спасибо за кофе, – поблагодарил Павел Мазуров.

От горячего крепкого кофе он вспотел. Сердце забилося. Тридцать восемь лет, а выглядит он на все сорок. Плешь на макушке, зубы, что он потерял там, в местах не столь отдаленных. Надо вставлять. Но это потом. Сначала...

Странно, о некоторых вещах он в прежней своей жизни до тюрьмы даже не задумывался. Например, о визитах к дантисту. Или о счетах за электричество, за водоотвод и газ, которыми завален его дом в Куркине сейчас.

– Ты вот интеллигент, Паша. Раньше-то кем ты был – банкиром или брокером? – спросил повар Валера. – А сейчас на побегушках. Харч возишь. Но голова-то у тебя по-прежнему как этот, как компьютер небось – тик-так. Так что ты мою инициативу с «почками» и «языком» оценишь.

– Я ценю, это ты здорово придумал, – сказал Павел. – А чего ты там говорил про поминки?

– Я сказал – банкет отбили назад.

– Да, я понял.

– Но вроде как там замена. Не банкетный стол, а поминальный. Мне сказали насчет блинов подумать на большое количество гостей.

– И на когда все намечается? – самым невинным тоном поинтересовался Павел.

– Пока не знаю. Но ты мне в следующий раз привези муки, дрожжей, риса, изюма. Вот тебе новый список. – Повар повернулся и достал из ящика кухонного стола, забрызганного следами бифштекса по-сталински, файл с документами.

Отдал Павлу. Затем взял губку с мойки и начал аккуратно протирать кухонную стойку, напевая: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

В местах не столь отдаленных такие, как Валера, никогда никакой уборкой не занимались. Они делегировали это право другим. Павел Мазуров это хорошо усвоил. Он покинул кухню и пошел назад к машине, припаркованной во дворе Дома на набережной.

Проходя мимо раздевалки персонала, он заметил стоявшую рядом с дверью корзину для грязного белья. Туда официанты и повара складывали запачканную форменную одежду. Оглянувшись по сторонам и никого не увидев, Павел Мазуров вытащил из корзины куртку официанта, скомкал и зажал под мышкой.

Он никогда в своей жизни не воровал – это первый случай.

Свой срок в местах не столь отдаленных он отбывал не за воровство и не за мошенничество. Совсем даже не за «экономику». А за вещи гораздо, гораздо более серьезные.

Но куртка официанта при удачном стечении обстоятельств могла пригодиться.

Глава 11

Ухо к земле

На следующий день, в воскресенье, Катя решила взять паузу и предоставить эту самую паузу полковнику Гущину, хотя точно знала, что он этой паузой не воспользуется.

Она проснулась поздно и позвонила подружке Анфисе – надо все же повидаться, поздравить ее с прошедшим днем рождения и отвезти подарок. Они встретились в тихом кафе на Патриарших прудах.

«С днем рождения, Анфиса!»

«Что там у вас случилось вчера?»

Анфиса спросила это, заглядывая Кате в глаза, – что-то серьезное, очень серьезное? Раз ты не приехала на день моего варенья.

Катя не стала ей ничего рассказывать. Это дело внутреннее, полицейское – преступление, совершенное в отношении коллеги по работе. А способ убийства может Анфису сейчас лишь напугать.

О том, что в воскресенье появятся какие-то важные новости, она не надеялась. Их и не было.

Катя моментально это поняла по лицу полковника Гущина, едва лишь утром в понедельник после оперативки осторожно заглянула к нему в его большой начальственный кабинет.

Гущин один за девственно чистым столом. Если и состоялись какие-то совещания с руководством Главка, Следственным комитетом и прокуратурой, то все это произошло вчера.

А сегодня...

– Никаких подробностей для прессы, – объявил Гущин.

– Я не за подробностями, Федор Матвеевич.

– Тебе, я считаю, надо ограничиться событиями субботы. Пресс-центру никто никогда не разрешит что-то опубликовать из материалов этого расследования.

– То есть вы меня отшиваете? – Катя вздохнула. – А зачем же привезли в тот дом, позволили весь этот ужас увидеть?

– Я не знал, как Вавилов себя поведет. А ты это умеешь – разряжать ситуацию.

– Но я и слова Вавилову не сказала. Федор Матвеевич, он ведь тут тогда просил вас помочь.

– Я делаю что могу.

– Но и я при этом присутствовала. Я тоже хочу ему помочь.

– Полину Вавилову уже не вернешь.

– Я хочу быть полезной в этом деле. Вавилов мой коллега, как и ваш. Если существует хоть какое-то полицейское братство, то мы...

– Ты в это веришь? В полицейское братство? – Полковник Гущин как-то невесело улыбнулся.

– Да, я верю, – ответила Катя.

– И я верил когда-то. – Гущин потер переносицу. – И дело не в том, что в те времена я служил в милиции, а теперь в полиции.

– Вы разочарованы и опустошены, – сказала Катя. – Причина – не это дело. А то, что нас окружает, все эти перемены. Я же вижу. Мы столько времени с вами работали вместе, Федор Матвеевич. Я не только Вавилову хочу помочь. Я вам хочу помочь. Не отвергайте мою помощь. Я не стану ничего писать об этом деле, на этот счет можете быть спокойны.

– Да я спокоен. – Гущин грузно, устало поднялся из-за стола. – Ладно. Чтобы не было никаких иллюзий у тебя. Поедешь сейчас со мной.

– Куда? – кратко спросила Катя.

– В Рождественск. В ОВД, где Игорь Вавилов столько лет работал, где он стал начальником уголовного розыска.

– Вы установили дело, за которое ему могли так отомстить?

– Дел несколько, я послал сотрудников в архив, материалы поднять. Они там как кроты среди бумаг. Вавилов чуть позже свои предположения нам озвучит. Но прежде чем я его буду слушать, я... знаешь старую оперативную привычку?

– Их не счесть, Федор Матвеевич.

– Одна из самых полезных – преклонить ухо к «земле».

– Ухо к земле?

– Слухи, сплетни, злые разговоры. Ты что, разве не знала, что полицейские, особенно мужики из старослужащих, кого жизнь должностью обошла, – страшные сплетники насчет... ну, скажем так, более успешных коллег. Кто сделал карьеру, кому светят большие погоны. Кто вроде начинал вровень со всеми, а потом вырвался далеко вперед.

– У Вавилова зверским способом убили жену. Ничего, кроме сочувствия, сейчас не...

– Убедишься сама. Сочувствие – да. Сначала сочувствуют, соболезнуют. Потом начинают молоть языком. Мне это сейчас вполне подходит. Цинично звучит, но именно слухи и сплетни мы с тобой поедем собирать в Рождественск. Не городские слухи, а слухи от «своих» внутри отдела.

– Вы же сами сказали, Вавилов уже пять лет как там не работает.

– Это еще лучше – он для них отрезанный ломоть, залетевший далеко-высоко. С такими вообще не церемонятся. Выкладывают всю подноготную обо всех делах. Мы послушаем. Приложим ухо к «земле». Там, на «земле», у них все уже в курсе. Пусть коттеджный поселок, где находится дом жены Вавилова – а это ведь дом этой девушки, не его, приданое к свадьбе, – так вот, пусть это место и не в юрисдикции Рождественска, но это совсем недалеко. Рождественск формально в расследовании участвовать не будет, а это значит, что слухи и сплетни – все, что им там, в отделе, остается. Вот мы и слушаем их там, на месте.

– Всех? Весь ОВД?

– Самых рьяных. Тех, с кем Вавилов, скажем так, когда-то не сработался.

– Я только захвачу сумку и диктофон. Вы же сами все потом прокручивать на диктофоне станете.

Катя поднялась в кабинет Пресс-центра. Забрала вещи. Вот так... вот так и разлетаются вдребезги хрустальные мечты о профессиональном полицейском братстве.

Она вспомнила дом, кровавый след на полу, букву «М».

Там, в Рождественском ОВД, это уже обсуждают. Не видели всего этого кошмара, но говорят.

Если рассматривать сотрудников полиции не как ангелов с крыльями из проплаченных МВД телесериалов и не как злодеев с большой дороги, а просто как обычных людей – а они ведь обычные люди, то...

Интересно, какая будет первая фраза там, в отделе? По этой первой фразе о многом можно будет судить.

Жаль Игоря Петровича. Несладко поди ему сейчас, ох как несладко...

Такой была первая фраза, первая реакция первого сотрудника Рождественского ОВД, с которым полковник Гущин и Катя начали свою беседу.

Допрос? Нет. Слухи и сплетни не выкристаллизовываются так ярко и выпукло на официальных допросах, а лишь в неспешных, неторопливых беседах с «оглядочкой».

В Рождественске Гущин попросил дежурного – солидного и с виду весьма уравновешенного майора в годах – посадить «на пульт» помощника, а самому пройти в комнату отдыха.

Они там с наслаждением закурили, вопреки всем грозным запретам, открыв забранное решетками окно.

– Насчет Вавилова к нам приехали? – мудро угадал опытный дежурный. – Жаль Игоря Петровича. Несладко поди ему сейчас, ох как несладко.

– Он ведь при тебе тут еще в оперуполномоченных ходил? – спросил Гущин.

– При мне и потом тоже. Он в начальники. А я из участков сюда в дежурную часть.

– Насчет субботнего убийства что говорят?

– Да разное. – Дежурный дымил. – Отомстили, мол, ему кроваво. На жене отыгрались.

– Мы дела сейчас смотрим, архив поднимаем, – сообщил Гущин. – А твое какое мнение?

– Мы с Вавиловым не слишком-то ладили. – Дежурный пожал плечами. – Лучше уж я помолчу.

– Нет уж, не молчи. – Гущин хмурился. – Я из Главка приехал специально твое мнение выслушать.

– Вы большой начальник, товарищ полковник, уважаемая личность. А кто я? Уйду на пенсию, и не вспомнят про меня родные органы. У нас тут часто – берут человека и сминают как промокашку.

– Кого Вавилов смял?

– А через кого он так сразу вдруг взлетел? – вопросом на вопрос ответил дежурный. – Был тут начальником розыска в районе – и вдруг в министерство, а потом в Главк почти в генералы. И выше метить начал. Через кого он все это получил?

– Слухи ходят – через тестя влиятельного. – Гущин и сам не собирался церемониться.

– Черта с два. Началось-то все тут у нас в отделе, когда прокурора нашего Грибова он сюда в наручниках привез.

Катя слушала дежурного очень внимательно. Про прокурора Грибова уже упоминалось. Что это за история?

– Через такие вот дела люди большие должности обретают. Кто-то на такое способен, а кто-то – нет. На такое вот... гадство. – Дежурный поморщился.

– Там было дело о коррупции. О крупной взятке, – сказал Гущин.

И Катя поняла – что в случае с прокурором Грибовым он в курсе и знает много чего.

– Да кто спорит? Но если такое дело вдруг... Если прежде ты с человеком сто лет общался, работал. Если человек этот тебя учил, тянул по службе, помогал во всем. Что мы, не знаем, что ли, тут ничего в отделе, как все было? Прокурор Грибов Вавилову помогал с самого начала, они по всем делам вместе работали, преступления раскрывали. Грибов опытный был, он Вавилова много старше. Вавилов сколько от него почерпнул. Он и начальником розыска стал, потому что это Грибов перед вами, Федор Матвеевич, на этом настаивал. Что, не просил он вас за него разве?

Гущин не ответил.

– И после всего добра, которое он Вавилову сделал... – Дежурный покачал головой. – Этот наш его же сюда в отдел в наручниках привез! Это как? При мне тогда в тот вечер все было. Я дежурил. Они явились – вся группа. Эти из министерства, из управления по борьбе с коррупцией. И Вавилов. Поймали Грибова на взятке.

– А как же он должен был поступить? – спросил Гущин. – Там суд состоялся. Грибова виновным признали во взяточничестве.

– Я не знаю как. Но смотреть на всю эту комедию тошно было. – Дежурный снова поморщился. – Эти приехали из управления по борьбе с коррупцией. У них работа, это их

дело. Чего Вавилов-то туда сунулся? Пусть они задерживают, раз они там все с этой взяткой как по нотам разыграли. А Вавилов поучаствовать решил. Они Грибова сюда в отдел из прокуратуры привезли. Того бизнесмена, который деньги ему сунул помеченные, тоже. У меня та сцена до сих пор перед глазами стоит. Они его в министерство не повезли на ночь глядя. А сюда к нам в изолятор пихнули. Вавилов все по отделу как на крыльях летал – такой деловой весь из себя. А утром сюда в дежурку сын Грибова приехал.

– Сын Грибова? – спросил Гуцин.

– Он у него адвокат. Он с другим адвокатом явился. Тот-то старый, опытный. А этот молодой. Да что говорить? На глазах Вавилова рос этот парень. Они ж дружили домами – Вавилов тогда еще на своей прежней жене был женат. На шашлыки вместе ездили, парень этот, Алешка, он... он Вавилова как родного человека уважал, слушался. А в то утро – прокурора в автозак сажают, а этот Алешка просит Вавилова: Игорь Петрович, разреши мне с отцом поговорить. А тот ему грубо так – мол, пошел ты. Я всему свидетель, всех их разговоров тут. Сколько лет уж с тех пор минуло, а я все помню, и тошно мне все это вспоминать.

– Не мог Вавилов парню разрешить разговор с отцом в тот момент. Не положено это, сам знаешь.

– Я-то знаю, а вот кто-то на моих глазах разом обличье людское потерял. Но и приобрел за это немало. В министерстве смекнули – раз жалости не имеет к людям, даже к тем, с кем дружил, кому обязан, значит, далеко пойдет. Будет служить, как пес цепной.

– Ты несправедлив к Вавилову, – сказал Гуцин.

– А вы меня сейчас не о справедливости спрашиваете, – отрезал дежурный, – вы моим мнением интересуетесь.

– Что, по-твоему, Вавилову вот так из-за дела прокурора могли отомстить?

– Только не нужно, не нужно мне приписывать того, чего я не говорил.

– Я не приписываю.

– Когда люди старых друзей предают ради должностей и погон, что они ожидают? – спросил дежурный. – Я помню, как парень этот Алешка на Вавилова тогда тут в дежурке нашей смотрел. Словно угли глаза, так и жгут. Он вежливый весь из себя, интеллигент, адвокат в дорогом костюме. Так что в руках себя крепко держал. Не хамил. Только смотрел на «дядю Игоря». Так он его звал, и все мы это тут в отделе хорошо знали.

– Слышала? – спросил Гуцин, когда они, покинув комнату отдыха и дежурного, шли по второму этажу в направлении кабинета начальника уголовного розыска.

– Я на диктофон записала, – ответила Катя.

– Дежурного этого, Михалева, Вавилов отказался рассматривать в качестве возможного кандидата на должность начальника отделения полиции в Вахрамеевке. Он старшим участковым работал долгое время, и его хотели начальником отделения местного назначать. А Вавилов категорически воспротивился. В результате, чтобы майорскую должность получить, тот вынужден был перевестись в дежурную часть. У него зуб на Вавилова, так что очень ты его словам не доверяй.

Катя вздохнула.

Начальник уголовного розыска Рождественска – лысый, небольшого росточка, усталый человечек, занимавший ту же должность, что когда-то и Вавилов, – встретил полковника Гуцина с почтением, если не сказать подобострастно.

– Мне из Главка позвонили, что вы едете. Чаю, кофе?

– Сделай кофейку нам, – вполне барственно распорядился Гуцин. – Слухи я приехал собирать тут у вас. Занятие – малопочтенное. Так что кофе – в самый раз для укрепления духа.

Начальник розыска у чайного стола начал собственноручно готовить растворимый кофе для Гуцина и Кати.

Та оглядывала кабинет. Здесь, значит, сидел когда-то Вавилов. Тут он раскрывал уголовные дела, за которые ему могли так страшно отомстить. Что слышали эти стены? Что они знают? Мебель здесь новая, компьютер на столе, кипы бумаг, сейф. В этих провинциальных отделах годами ничего не меняется.

Она попыталась вспомнить Рождественск – ведь только что проезжали его на машине. Но впечатление осталось какое-то смазанное, безликое.

Только что шла Москва, потом МКАД, потом большое строительство за МКАД, затем какие-то поля-пустыри, рощи, перелески и снова хаотичное строительство. Многоэтажки, рядом убогий частный сектор, за ним отличные добротные дома, коттеджи и центральная часть – опять старые многоэтажки и какая-то обширная промзона.

Рождественск еще предстояло изучить: если сюда ведут все нити, то... А если не сюда?

– Слухи по поводу причин убийства жены Игоря Петровича? – сразу уточнил начальник местного розыска.

– Угу.

– Так там же вроде маньяк? Вся картина на маньяка указывает, налицо с психическими отклонениями.

– Нет, картина на это как раз не указывает.

– Но он ей руки отрубил, то есть пилой отрезал и прибил...

– Вы тут в курсе, хотя я приказал детали осмотра в тайне держать. Какая уж тут тайна. – Гуцин передал чашку крепкого кофе притихшей Кате. – Я версию рассматриваю – убийство с целью мести за профессиональную деятельность. Хочу ваше мнение услышать. Что за дела здесь у вас были пять-шесть лет назад?

– Дело о взятке прокурора Грибова.

– Об этом я уже слышал. А что еще тут у вас было громкого или... не знаю, тихого, но необычного?

– Насчет необычного я затрудняюсь сказать. В основном рутина – кражи, грабежи. Было несколько разбойных нападений на фуры и на коттеджи. Мы тогда группу задержали. И потом еще одну группу.

– Вавилов задерживал?

– Он же до меня здесь всем руководил. Конечно. Только это, я повторяю, – рутина. Часть задержанных были гастарбайтеры. Правда, воры тоже попадались. Но воры так полицейским не мстят.

– Речь не о ворах, – сказал Гуцин.

– Было дело нашумевшее – убийство школьницы. – Начальник розыска подошел к двери, открыл ее и позвал: – Светлана Николаевна, зайдите ко мне! Девочка училась в девятом классе. Там не столько сам факт убийства город всколыхнул, сколько обвиняемая по этому делу, то есть подозреваемая – обвинение не было предъявлено.

В кабинет с пакетом сахара в руках зашла очень полная женщина в брючном костюме.

– Спасибо, Светлана Николаевна, а то у меня сахар закончился, – буднично поблагодарил начальник розыска. – Светлана Николаевна, вы помните старое дело об убийстве той ученицы?

– Аглаи? – спросила вошедшая. – Не только помню, но и вспоминаю часто. Я ведь сколько карточек розыскных для банка данных по нему заполнила.

Катя поняла, что дама работает в отделе учета и регистрации преступлений.

– Моя дочь в той же школе училась, – продолжала Светлана Николаевна. – А что вдруг речь зашла о нем?

– Вавилов это дело раскрыл? – спросил Гуцин.

– Ничего он не раскрыл, не смог, – жестко ответил начальник розыска, – все улики, все козыри на руках имелись против подозреваемой... А он...

– Такой скандалище. – Светлана-учетчица махнула рукой. – Она же завуч была в школе, ну та, которая убила Аглаю. Учительница со стажем. В школе потом все перетряхнули. Я даже дочку свою хотела оттуда забрать, да больно сильная школа, хорошо преподают там. Считалась до этого убийства лучшей не только в городе, но и по области славилась.

– Вавилов, кстати, совместно с прокурором Грибовым то дело расследовал. Он подозреваемую задержал. Там надо было улики собирать, доказывать.

– А что, не смогли доказать вину? – поинтересовался Гущин.

– Нет. Обвинение даже не сумели предъявить. Вавилову следовало лучше работать. Он вообще столько лет тут из себя аса изображал. – Начальник розыска хмыкнул. – Но знаете, между нами... самонадеянность – это еще не все в оперативной работе. Знаниями надо обладать – в криминалистике, в психологии, в праве уголовном, в законодательстве. Помнить нужно, что адвокаты спуска не дадут ни на следствии, ни в суде. В том, другом деле он ведь тоже себя не слишком профессионально повел.

– В каком другом деле? – Гущин пил кофе.

– Если еще одно громкое вспомнить – так это происшествие в отеле «Сказка интернешнл». – Начальник розыска прищурился. – Тоже такой скандалище. Там побои были и изнасилование. И люди вроде все приличные – консалтинговая компания тогда проводила корпоратив. И один из ведущих менеджеров напал на женщину – избил жестоко и изнасиловал. Фамилия его Мазуров. Я это дело помню, сам тогда в опергруппу входил. Вавилов всем распоряжался. И Грибов в расследовании тоже участвовал. Там все со скрипом шло, хотя факты абсолютно очевидные. Но все же до суда дело довели. Вавилов хоть в этом не напортачил.

Хоть в этом не напортачил. Вот так нынешний начальник розыска отзывается о работе своего предшественника, ушедшего на повышение, – подумала Катя.

– А еще какие дела? – спросил Гущин.

– Остальное, я повторяю, – кражи, грабежи, бытовуха, разбой. Там криминальная публика. А эти дела не то что необычные, но, так сказать, яркие.

– И Вавилову могли за них отомстить?

Начальник розыска пожал плечами – кто его знает.

– Вы о давности в пять-шесть лет спрашиваете. На тот период это все.

– Ну а какое дело, по вашему мнению, может...

Гущин не договорил. Учетчица Светлана вышла из кабинета. А начальник розыска поднял руки.

– Нет, нет, я в этих вопросах вам не консультант, – сказал он, – вы у Вавилова спрашивайте, за что ему отомстить могли.

– Спрошу, – кивнул Гущин послушно. – Я ведь тут у вас слухи приехал собирать.

– А тут не гуляет никаких слухов. – Начальник розыска сухо улыбнулся. – Мы работаем, зашиваемся с текучкой. Нам не до слухов. И это дело не в нашей территориальной подследственности.

– Экий вы крючкотвор – законник, коллега, – усмехнулся Гущин. Он и бровью не повел на выпад начальника розыска, хотя... мог бы распорядиться судьбой строптивца вплоть до увольнения. – Материалы есть какие-то у вас по этим делам?

– Два дела в суд ушли, одно приостановлено. Материалы все у вас в Главке в архиве и в сейфе у следователя в Следственном комитете. У нас ничего по старым делам не остается. Мы справки еще в компьютерный банк данных направляли. А встречный вопрос можно, Федор Матвеевич?

Гущин кивнул – валяй.

– А что Вавилов сам говорит? Кого он подозревает?

– Он пока никак оправиться не может от потрясения.

– А, ну-ну, я понимаю. – Начальник розыска кивнул. – Самые искренние и глубокие ему наши соболезнования. От всего ОВД.

Он произнес эти дежурные слова тоном, каким обычно произносят все дежурные фразы.

– У него с Вавиловым тоже был конфликт? – уточнила Катя, когда они с Гущиным шли к машине, стоявшей во дворе отдела.

– Нет, просто он – новая метла. – Гушин смотрел на приземистое двухэтажное здание полиции. – Новая метла тщательно и скрупулезно выметает все соринки, все пылинки предшествовавшего руководства. И всегда настроена критично. – Он глянул на часы. – Время обеденное, но мы обед пропустим. Поедем в морг. Что там интересного для нас Сиваков приготовил?

– Надо сначала заехать в аптеку, – сказала Катя, – купим нашатырь. Ваш водитель в аптечке нашатырь не возит. А у Сивакова клянчить совестно каждый раз.

Полковник Гушин покосился на Катю и, кряхтя, полез в машину. В трех случаях из пяти ему становилось плохо, когда он присутствовал по обязанности на вскрытиях. Природа... поделаться с этим ничего нельзя. И Катя всегда впрок запасалась нашатырем.

Глава 12

Нашатырь

– Ох, не могу, в глазах темно.

– Вдохни, сейчас полегчает. Давай, давай, долго мне нянчиться с тобой?

Все эти разговоры Катя слышала по громкой связи – они доносились из прозекторской морга бюро судебно-медицинских экспертиз, где эксперт Сиваков трудился над телом Полины Вавиловой.

Полковнику Гущину, как всегда, в прозекторской стало плохо. Катя предусмотрительно извлекла из сумки пузырек нашатыря, купленного по дороге в аптеке, но он не понадобился. Эксперт Сиваков по случаю приезда Гущина запасся своим. И сейчас активно пичкал им коллегу.

Катя внутрь прозекторской не пошла, сидела в коридоре на банкетке. Они там все на виду перед ней за стеклянной стеной – Сиваков в маске и комбинезоне эксперта и Гущин.

На то, что лежало перед ними на столе, Катя не смотрела. Она глядела в пол, не поднимая головы.

– Кофе с молоком, до чего же я ненавижу кофе с молоком, – бурчал Сиваков. – Вскрываешь, а там... Короче, она только-только позавтракала перед смертью. Учсть, что она еще спала, когда Вавилов из дома уезжал, то... Абсолютно точно можно уже подтвердить сейчас время наступления смерти – между одиннадцатью и часом дня.

– По ранениям есть что нового? – хрипел Гущин.

Он сунул ватку с нашатырем в ноздрю и крепко держался за поручень железной каталки с инструментами.

Катя глянула и... снова уткнулась в пол.

– Ножевое проникающее в брюшную полость и резаная рана горла. Нет. Ничего нового, на костях предплечий следы воздействия лезвия электропилы.

– А эти, как их... ДНК, микрочастицы?

– Образцы ДНК мы забрали у Вавилова. Там много совпадений я жду. Чего ты хочешь – они супруги. Спали в одной постели, жили бок о бок. У нее в волосах следы шампуня, она душ утром принимала. Но никаким душем это не смоешь. У них был половой контакт ночью, Вавилов это мне подтвердил. А признаков какого-либо насилия со стороны преступника в области бедер, в области половых органов нет. – Сиваков орудовал хирургическими инструментами.

Катя не вдавалась в подробности, как все эти инструменты называются.

– Насчет микрочастиц – ничего особенного, – продолжал Сиваков. – Следы пыли на шее и в волосах, а также на ее одежде. Это результат волочения тела по полу из холла в гараж. Там еще бетонная крошка и следы машинного масла. Это уже в гараже наслоилось, когда орудовали электропилой.

– Насчет пилы этой треклятой и пневматического молотка что?

Сиваков сквозь свою маску космического типа воззрился на Гущина:

– А что я говорил? И надеяться нечего, и ждать нечего. Никаких следов на инструментах экспертиза наша не выявила.

– Предусмотрительный.

– Это азбука, сам понимаешь.

– Я-то понимаю, – хрипел Гущин сквозь нашатырный плен, – но по всему их дому полно отпечатков пальцев.

– Мы Вавилова откатали и помощника его Ладейникова. Вавилова отпечатки по всему дому – он же жил там. И ее, Полины тоже. С остальными будем по ходу дела разбираться. Какие там строители оставили, какие рабочие. Как только предъявите мне какого-нибудь подозреваемого, и этого проверим, сравним. Сейчас компьютерная программа в минуты все это выдает – тождество или отсутствие тождества.

– Там на коробках, что по Интернету покупали, заказывали, тоже есть следы.

– Абсолютно точно, но это не мой вопрос. – Сиваков покачал головой. – Вы сначала установите – откуда, кто доставлял. Затем я его проверю.

– А та подставка из гаража, на которую убийца, по-твоему, ногами вставал, чтобы писать на стене? – Полковник Гуцин хватался за последнюю соломинку.

– Четких следов подошв там нет, – сказал Сиваков. – Я зафиксировал наличие частиц почвы – предположительно суглинок. Но это должна еще прояснить химико-почвоведческая экспертиза.

– Да там кругом везде суглинок, – захрипел Гуцин совсем придушенно. – Все Подмосковье на суглинке. Убийца, по-твоему, долгое время шел пешком?

– Как они въезжают в этот свой экопоселок, вы выяснили? – вопросом на вопрос ответил Сиваков.

Катя насторожилась – может, сейчас выдаст что-то интересное?

– Выяснили. Шлагбаум электронный с пультом – фикция сплошная со стороны федеральной трассы. У них въезд свободный через Макинтошево – там частный сектор, строительство. Никаких там нет камер, и поселок этот обычный – никем не охраняется. Все экстренные службы – МЧС, «Скорая» – в случае чего заезжают оттуда, и все остальные – строители, доставка – тоже этим путем пользуются для въезда в экопоселок.

– Зачем же они тогда тратили деньги, ставили шлагбаум со стороны шоссе?

Гуцин махнул рукой.

– А у нас всегда так. Я послал сотрудников в офис компании-застройщика. Они там объясняют – мол, вроде для того, чтобы чужие машины с шоссе не ездили, не срезали путь из Москвы до Рождественска через их экопоселок и через Макинтошево. Чтобы их новую дорогу не портили.

– Все-то не огородишь и на шлагбаум не запрешь, только видимость можно создать да деньги оприходовать, – согласился Сиваков. – Если убийца явился к Полине Вавиловой под видом курьера с доставкой товаров, он мог оставить машину где-то и какой-то путь пройти до дома пешком. Но это лишь предположение. Он мог и на машине подъехать – соседей там у них нет. И почва суглинок на деревянной подставке в гараже – это свидетельство не того, какой путь убийца проделал, а я повторяю – это важный факт о его характере, очень осторожном – он не хотел, чтобы мы какими-то данными о его росте располагали.

– То есть рост его может быть как высоким, так и маленьким?

– Он мог встать на подставку и приподняться на цыпочках, а мог встать и согнуться.

– А это могла быть женщина? – спросил Гуцин.

– Могла. Экспертиза не выявила каких-либо фактов того, что для убийства и дальнейших манипуляций с телом потребовалась бы исключительно мужская физическая сила.

– Еще что скажешь хорошего? – просипел сквозь нахатырь полковник Гуцин.

– Биохимический анализ ее крови не выявил никаких следов приема противозачаточных средств, – объявил Сиваков, – она не предохранялась. Я всегда расцениваю это как факт того, что между супругами были очень близкие, нежные, доверительные отношения.

– Вавилов сказал, что они хотели детей, – ответил Гуцин. – Они строили планы на будущее, на совместную жизнь. Но вот судьба распорядилась иначе.

Глава 13

Версии потерпевшего

На следующее утро Катя предприняла то, от чего обычно воздерживалась. Она посетила оперативку, проводимую полковником Гущиным у себя в кабинете. Приехала на работу к половине девятого утра и вместе с массой сотрудников, собравшихся в приемной, проскользнула внутрь.

Гущин узрел «чужака», однако не указал грозно перстом на дверь – зайдите позже!

Катя сидела у окна и слушала, как оперативники докладывали шефу свои наработки по делу Вавилова. Атмосфера витала в кабинете странная. Ведь Вавилов был их общий непосредственный начальник, заместитель начальника Главка, и копать в его «грязном белье» предстояло лейтенантам и капитанам розыска.

Гущин слушал, изредка задавая уточняющие вопросы. Катя поняла – это не то дело, когда он станет подгонять сотрудников и требовать быстрых результатов. Несмотря на чудовищный способ убийства, дело станут «копать» медленно и скрупулезно, никуда не торопясь. И начнут с самой что ни на есть обычной оперативной рутины.

В этом она не ошиблась. Доклады сотрудников полиции оригинальностью не блистали. Опрос жителей экопоселка и поиск свидетелей...

Проверка регистрационных камер на ближайшем к поселку посту ДПС.

Обход соседних участков, беседы с соседями Вавилова.

Беседа с секретарем тестя Вавилова, который вместе с боссом прилетел срочно из Гонконга.

Работа в архиве по проверке уголовных дел пяти-, шестилетней давности, в раскрытии которых Игорь Вавилов принимал активное участие.

Вот тут флегматичный до этого полковник Гущин слегка оживился и начал детально уточнять. Катя тоже насторожилась. «Слухи» из Рождественского ОВД в принципе нашли свое подтверждение. Действительно, как докладывали оперативники, лопатившие в архиве банк данных, из крупных, значимых для города дел в тот период было три происшествия. Самое масштабное – это арест местного прокурора Алексея Грибова за взятку. И два весьма резонансных дела – убийство школьницы Аглаи Чистяковой, по которому подозреваемой проходила учительница географии и по совместительству завуч школы Наталья Грачковская, и еще более громкое дело в отеле «Сказка интернешнл», где во время корпоративной вечеринки один из ведущих менеджеров консалтинговой компании «Транс-Интер» Павел Мазуров изнасиловал и жестоко избил модель Марину Приходько. Полковник Гущин уточнил – были на тот период какие-то другие дела в Рождественске, например, связанные с организованной преступностью или ворами в законе?

Никаких воров в законе в городке в жизни не арестовывали. А вот дело с ОПГ, и довольно крупное, велось, однако это случилось три года назад, но в этот период Игорь Вавилов уже проходил стажировку для высшего руководящего состава и никакого отношения к этому делу не имел.

Полковник Гущин распорядился поднять уголовные и оперативно-розыскные дела по взятке, убийству и изнасилованию из архива. И начал щедро раздавать ЦУ, его подчиненные только успевали записывать в блокноты.

Под конец оперативки в дверь постучали, и в кабинет кто-то заглянул осторожно. Гущин нетерпеливо махнул ему рукой – мол, входи, не тушуйся.

Катя увидела Артема Ладейникова – помощника-секретаря Игоря Вавилова. Вместе с ним в кабинет зашли еще двое – такие же молодые, хипстерского вида, причем один

в рваных джинсах – такой дресс-код в Главке категорически не приветствовался, но, видно, для кого-то делали исключения.

И Катя вскоре поняла для кого – для сотрудников управления «К» – по расследованию компьютерных преступлений.

Полковник Гущин отпустил с оперативки подчиненных, а троице и Кате велел остаться.

– Игорь Петрович скоро приедет, – известил Артем Ладейников. – Он мне только что звонил. И вчера вечером звонил – просил, чтобы я оказывал вам любое возможное содействие, если что-то понадобится. Вот я с управлением «К» связался, мы все готовы помочь.

И Катя поняла – даже будучи фактически потерпевшим по делу об убийстве и отстраненным от расследования, Игорь Вавилов все равно остается «боссом»: заместитель начальника Главка – это величина. Он по-прежнему отдает распоряжения, он может командовать даже полковником Гущиным, если пожелает.

– Надо установить, в каких фирмах и в каких магазинах в Интернете Полина Вавилова делала свои покупки. В частности, меня очень интересует – была ей назначена доставка курьером на день убийства или нет? Там коробок полно с отпечатками, есть и нескрытые. Убийца мог проникнуть под видом курьера с доставкой. Она ведь дверь кому-то открыла. – Гущин чесал переносицу. – Можно это установить через Интернет или нет?

– Можно, и очень легко, – ответил за всех Артем Ладейников. – Вы ведь изъяли ее ноутбук и мобильный?

– Да, конечно, вот они у меня в сейфе, уже обработанные экспертами. – Гущин достал из сейфа ноутбук и мобильный телефон в пластиковых мешках. – Телефон ее мы на звонки проверили, там никаких звонков в период с раннего утра и фактически до трех дня нет. Игорь Петрович жене не звонил.

– Я же вам говорю – он был на совещании у губернатора, – заступился за шефа Артем Ладейников. – Они там вообще порой телефоны отключают или делают переадресацию вызова, чтобы звонки не отвлекали, губернатора не раздражали. И при мне по пути домой он жене тоже не звонил.

– Федор Матвеевич, а кто же звонил Полине? – поинтересовалась Катя.

– Номер определился, это номер ее отца – звонок, вероятно, из Гонконга.

– Ну да, там же разница во времени, – сказал Артем.

– Звонок отмечен как «неотвеченный вызов», – сообщил Гущин. – Я сам проверил. Больше никаких звонков.

– А входящие СМС вы смотрели? – спросил Артем.

– Руки не дошли.

– Сейчас глянем, интернет-магазины часто рассылают сообщения о состоянии заказа клиенту и времени доставки. Но сначала проверим ее электронную почту. – Артем расчехлил ноутбук Полины и включил его. – Тут у нее какие-то неполадки, меня ведь Игорь Петрович просил починить, сейчас посмотрим, что здесь...

Он включил ноутбук, и вместе с прежними коллегами из управления «К» они, тихо переговариваясь, занялись делом.

– Сообщения как информационные, так и рекламные для клиента из интернет-магазинов приходят и оседают в электронной почте, – сказал Артем. – Это очень просто. Но у нее тут какой-то сбой. Точно... Вирус... Троянец... Это тоже обычное дело. Игорь Петрович сказал, что-то со скайпом, но здесь не только скайп, здесь программа заражена. Видите, электронная почта не открывается. Ладно, это не страшно, мы тут сейчас все полечим, почистим. Это минут сорок займет, ничего?

Гущин благосклонно кивнул. Артем и его коллеги забрали ноутбук и сели на дальний край совещательного стола. Затем один из «хипстеров» куда-то отчалил и явился через четверть часа с пачкой дисков и своим ноутбуком.

Катя терпеливо ждала. Рутин... Даже если они сейчас все найдут, все установят... Не курьер из Интернета убил Полину. Если кто-то представился им и она доверчиво открыла дверь дома, то ни электронная почта, ни компьютер ее в этом не помогут. Это просто очередная отработка очередного оперативного материала.

Полковник Гущин, разговаривая по мобильному, удалился в дежурную часть управления уголовного розыска. Он о чем-то договаривался и одновременно спорил, как поняла Катя, со следователем Следственного комитета.

Наконец троица что-то там в компьютере наладила и оповестила всех придушенными радостными восклицаниями. Полковник Гущин вернулся:

– Ну что?

– Вирус, – подтвердил Артем Ладейников. – Мы его убрали. Так, открываем почту. Ого, сколько входящих...

Гущин подошел к ним, подошла и Катя, заглянула в ноутбук. Столько же непрочитанных входящих, сколько и у нее обычно в ящике. Артем Ладейников «листал».

– А чего ты ищешь? – спросил Гущин, обращаясь к молодому сотруднику снова на «ты». – Ты давай каждый свой шаг поясняй мне. Я – человек отсталый, прошловековой. С компьютерами – видишь, совсем не дружу. Никак.

– Многого себя лишаете, Федор Матвеевич, – дерзко ответил Артем Ладейников. – И хвастаться тут нечем. Это все равно что безграмотностью щеголять.

– Ты не учи меня. – Гущин сел на стул, кряхтя. – Чего вы установили-то, давай объясняй. Чего ищешь сейчас?

– Я ищу... то есть мы ищем электронное сообщение о том, что... Вот видите?

– Ничего я не вижу. Тут какое-то постельное белье на фото.

– Жена Игоря Петровича заказывала в интернет-магазине два комплекта постельного белья из жаккарда. – Артем открыл письмо. – Вот они сообщают номер заказа: вот дата, за три дня до убийства, и... еще письмо – читайте! Тут написано «ваш заказ в стадии обработки» – это они всегда так пишут. И вот то, что нужно: «заказ будет доставлен по указанному вами адресу в период с 10 до 18». Тут и дата.

– Это не в день убийства, – сказал Гущин, – это накануне.

– Сейчас я еще проверю, все ответы с этого электронного адреса интернет-магазина. – Пальцы Артема Ладейникова замелькали по клавиатуре. – Вот, вот... «Ваш заказ еще в стадии обработки». Это письмо пришло утром как раз в тот день.

– Утром?

– Она все равно не могла его прочесть, потому что вирус нарушил программу и почта не открывалась.

– То есть если она читала предыдущее письмо, то могла решить, раз доставку не привезли в тот день, значит, перенесли на следующий? – спросил Гущин.

– А не факт, что она и то письмо читала, – возразил Артем. – Мы же не знаем, когда возникли неполадки с программой. Надо посмотреть, что в СМС у нее на телефоне.

Один из его коллег взял мобильный Полины и «пролистал».

– Тут только рекламные сообщения из банка и от «Би-лайн», – сказал он.

– А не получала она писем с угрозами? – предположила Катя.

– Она бы Игорю Петровичу обязательно сказала, если бы такие пришли, но все равно надо смотреть, – ответил Ладейников.

Однако полковник Гущин, видимо, в «компьютерных играх» уже разочаровался.

– Ладно, смотрите, работайте. Возьмите этот агрегат к себе и изучайте. Потом доложите.

– Мы будем в приемной Игоря Петровича, – сказал Артем. – Я сейчас, пока его нет на работе, ничем не занят. Он распорядился, чтобы я вам помогал.

– Вон составишь Екатерине компанию. – Гуцин прищурился. – Так когда Вавилов придет?

– Он сказал – скоро. – Артем закрыл и забрал ноутбук.

Троица двинулась восвояси. Катя тоже покинула кабинет. На этот раз Гуцину предстояло беседовать с Вавиловым с глазу на глаз.

Они должны были поговорить о конкретных уголовных делах.

Игорь Вавилов приехал в Главк через два часа. И сразу, не заходя к себе, отправился в уголовный розыск к Гуцину.

А тот, едва завидев гостя в дверях, включил в ящике стола портативный диктофон.

Уголовное дело диктовало свои правила поведения.

– Извини, что опять побеспокоил в такое время, – сказал Гуцин.

– Ничего. Я понимаю. – Вавилов сел напротив него.

– За Ладейникова спасибо.

– А, да, он толковый парень, смысленый. Будет помогать вам всем, чем возможно.

– Сиваков должен позвонить.

– Уже звонил. Сказал, что можно забирать тело из бюро экспертиз. – Голос Вавилова треснул. – Похороны надо готовить.

– Что ее отец, твой тесть?

Вавилов махнул рукой – а, лучше не спрашивай сейчас.

– Мы архив подняли, уголовные дела по Рождественску, – сообщил Гуцин о самом главном.

– Да?

– Три дела нас особо заинтересовали, ты принимал в их раскрытии участие как раз перед тем, как перевестись. Дело прокурора Грибова, дело об изнасиловании в гостинице «Сказка» и дело об убийстве девочки Аглаи Чистяковой.

Вавилов молчал.

– Давность как раз пять-шесть лет, остальное вроде не того калибра, чтобы так вот мстить.

– А эти три, по-вашему, Федор Матвеевич, того калибра? – спросил Вавилов.

– Эти дела резонансные, оставили след в жизни города. По мне, так дело прокурора из ряда тех, за которые можно отомстить.

– Грибов сидит. Ему дали двенадцать лет.

– Я в курсе, что он сидит, – ответил Гуцин. – Что сам-то скажешь, какие у тебя версии?

– Я не знаю, я голову сломал. Все думаю об этом. Эти дела да, резонансные и, пожалуй, самые громкие из тех, что были у меня за всю мою жизнь в уголовном розыске. Но там некому...

– Что некому?

– Просто некому мне мстить. Грибов, повторяю, сидит.

– У прокурора сын остался, – заметил Гуцин. – Ты что, правда его хорошо знал?

Вавилов кивнул.

– Умный парень. Окончил юрфак, его приняли в коллегия адвокатов.

– Ну, Грибов, конечно, поспособствовал этому, – сказал Гуцин. – Он ведь считался твоим учителем, да?

– Алексей... Тихонович сделал для меня много хорошего, – выдавил Вавилов. – Я... так сожалею, что все с ним вот так вышло.

– Что он взял взятку?

– Суд его виновным признал. Да что суд – он с поличным ведь попался. Эти... из отдела по борьбе с коррупцией из министерства... Они там все без сучка без задоринки задокументировали и доказали. С самого начала вели – того бизнесмена-фабриканта подставили, деньги пометили. Они всю эту операцию вели с самого начала. Алексей Тихонович нарушил закон... Что я мог сделать в такой ситуации?

– Министерские сами тебя попросили в операции по задержанию участвовать?

– Да. Явились вечером под конец рабочего дня. Я перед фактом был поставлен. Мы Грибова прямо в кабинете задержали. Он деньги еще не успел в сейф положить.

– Сейчас вроде как на подставные счета все переводят, – хмыкнул Гушин. – Всю мзду.

– А там обставили все так, чтобы задержать его с поличным. Я не знаю, может, они счета с Грибовым сводили. Но он же взял эти деньги у владельца фабрики! Там речь шла о возбуждении или невозбуждении дела за нарушение правил техники безопасности и бесконтрольные выбросы. Он взял взятку. Это доказанный факт. Его осудили. Что я мог в этой ситуации?

– А это правда, что ты не позволил сыну... кстати, как его зовут?

– Тоже Алексей, Алешка.

– Ты ему не позволил проститься с отцом, когда того увозили... куда? В Матросскую Тишину или в Лефортово?

– Я не знаю. Эти из управления по борьбе с коррупцией, думаешь, передо мной отчитывались? Я обязан был участвовать в операции по задержанию как начальник розыска, как представитель правоохранительных органов района. Алешке я не мог дать в тот момент свидания с отцом, не в моей то было компетенции.

– Так, я понял твою точку зрения на это дело, – кивнул Гушин. – А убийство школьницы?

– Это было примерно месяцев за десять перед арестом Грибова.

– Вы вместе его раскрывали?

– Вместе.

– Ну и что там?

– Эта девочка, Аглая Чистякова, училась в девятом классе. Ее нашли недалеко от школы и спортивной площадки – в парке. Труп был спрятан за трансформаторной будкой в яме. Ей разmozжили голову.

– Дело так и осталось нераскрытым?

– Я делал все, что мог, я арестовал подозреваемую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.